

Воспоминаніе о генералѣ Н. Н. Муравьевѣ.

Бывшемъ Намѣстникѣ Кавказскомъ.

Генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ назначенъ 29-го ноября 1854 года Намѣстникомъ Кавказскимъ и Главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ на мѣсто уволеннаго по разстроенному здоровію свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, выѣхавшаго еще въ мартѣ мѣсяцѣ того-же года изъ края.

До пріѣзда Муравьева, Кавказомъ управлялъ генераль Редаль, отправившійся послѣ пріѣзда Намѣстника въ крымскую армию. Наша война съ Турціею и западными державами тогда еще продолжалась и на Кавказѣ три отряда дѣйствовали противъ турокъ: одинъ подъ Карсомъ, другой въ Ахалцихѣ, а третій— въ Гуріи, у береговъ Чернаго моря.

Въ то время я управлялъ Горійскимъ уѣздомъ Тифлисской губерніи.

Еще лѣтомъ 1854 года перевозка провіанта въ Кутаисъ для Гурійскаго отряда сдѣлалась затруднительною. Черное море было для насъ закрыто и невозможно было подвозить провіантъ къ Редутъ-Кале, единственному нашему порту на восточному берегу. Провіантъ привозили изъ Россіи сухимъ путемъ, доставляя его въ Кутаисъ изъ Тифлиса и изъ Душета.

Въ концѣ сентября 1854 года, изъ главнаго Александропольскаго отряда, дѣйствовавшаго въ карсскомъ пошалькѣ, возвращались отбывшіе свою службу и слѣдовавшіе домой въ Синахскій уѣздъ, арубщики съ порожними арбами, на которыхъ они возили въ Александрополь провіантъ для войска. По пути они отдыхали около Тифлиса,—такъ какъ интенданство не озаботилось перевозкою провіанта въ Кутаисъ для Гурійскаго отряда въ удобное для того время года — лѣтомъ, о генераль-интендантъ, воспользовавшись находящимися подлѣною, около Тифлиса, партіею почти въ 1000 арубъ, испросилъ

у исправлявшаго тогда должность Намѣстника генерала Реада разрѣшеніе отправить на нихъ провіантъ въ Кутаисъ. Онъ при этомъ пояснялъ, что съ приближеніемъ зимы перевозка туда провіанта будетъ сопряжена съ большими препятствіями и затрудненіями.

Обѣщавъ аробщикамъ заплатить болѣе того, что они получали лѣтомъ въ Александрополѣ, собрали ихъ арбы, наложили на нихъ провіантъ и отправили въ Кутаисъ. Причитавшіяся имъ деньги выдали транспортному начальнику поручику Амираджиби, молодому человѣку, весьма дѣятельно хлопотавшему и съ помощью казаковъ принудившему аробщиковъ немедленно выступить изъ Тифлиса. Такимъ образомъ тронулся громадный транспортъ съ провіантомъ въ 1000 аробъ, направляясь въ Горійскій уѣздъ, чрезъ который идетъ дорога въ Кутаисъ. Мнѣ, однакожъ, какъ мѣстному начальнику, ничего объ этомъ не было извѣстно, между тѣмъ первыя двѣсти аробъ появились въ виду Гори. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда подножнаго корма на поляхъ въ Горійскомъ уѣздѣ бываетъ очень мало. Старшіе аробщики явились ко мнѣ и, объяснивъ причину обратнаго ихъ выступленія изъ Тифлиса, просили отвести имъ пастбищныя мѣста и предложить транспортному офицеру выдать слѣдующія деньги, безъ которыхъ они не могли двигаться далѣе. Не успѣли исполнить просьбы этихъ аробщиковъ, какъ появилось еще около 800 аробъ, которыя слѣдовали къ Сураму, остановившись здѣсь только для отдыха. Около Сурама они остановились и пустили скотъ въ лѣсъ для корма. Между тѣмъ холода все усиливались. Не зная ни дороги, ни мѣстности, и не получая отъ транспортного офицера денегъ, отпущенныхъ ему изъ казны, аробщики были совершенно брошены на произволъ судьбы. Ихъ было болѣе тысячи человѣкъ. Они боялись военно-имеретинской дороги и вообще Имеретіи, гдѣ ранѣе они не бывали и знали ее лишь понаслышкѣ, какъ страну лихорадокъ и скотскаго падежа, гдѣ съ конца августа по май не имѣется по пути ни подножнаго корма, ни фуража. Я поспѣшилъ въ Сурамъ, а вслѣдъ за мною вскорѣ тутъ-же пріѣхалъ и губернаторъ. Аробщики вновь приступили со своими жалобами о неполученіи денегъ, безъ коихъ они не могли слѣдовать далѣе. Хотя транспортный офицеръ общалъ губернатору удовлетворить немедленно претензіи аробщиковъ, но, тайно, ночью, совѣтовалъ имъ, чрезъ своихъ агентовъ, какъ впослѣдствіи открылось, убраться вонъ изъ Сурама домой подобру и поздорову, если они не хотятъ погибнуть со скотомъ на Имеретинской до-

рогѣ, куда, будто-бы, губернаторъ велитъ ихъ направить силою, съ помощью казаковъ.

Повѣривъ этому, аробщики рано утромъ, захвативъ весь скотъ, отправились къ себѣ, чрезъ лѣса, по проселочной дорогѣ, не получивъ наемныхъ денегъ и оставивъ арбы свои съ провіантомъ на произволъ судьбы. Я поскакалъ немедленно за ними, догналъ ихъ, сталъ уговаривать вернуться, но они наотрѣзъ отказались, стали громко роптать на начальство, обманувшее ихъ, и, въ случаѣ насилія надъ ними, угрожали мятежомъ.

Для меня было совершенно непонятно такое озлобленіе людей, усердно отбывавшихъ службу въ главномъ отрядѣ нашемъ въ Турціи болѣе пяти мѣсяцевъ. Очевидно, безъ силы оружія, здѣсь подѣлать ничего нельзя. Съ этою возмущенною многочисленною толпою можно было справиться только силою оружія, но я не имѣлъ на это ни права, ни достаточныхъ силъ. Я принужденъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ. Они отправились далѣе такою-же шумною и буйною толпою, но нигдѣ не произвели никакого безчинства.

Брошенныя ими въ Сурамѣ арбы были проданы съ торговъ, а провіантъ, столь необходимый для Гурійскаго отряда, былъ сданъ въ Сурамскій провіантскій магазинъ.

Между тѣмъ зима приближалась и вопросъ о перевозкѣ провіанта въ Кутаисъ для продовольствія находившагося тамъ отряда началъ беспокоить и Главное Начальство. На запросъ объ этомъ я донесъ еще въ ноябрѣ 1854 г., что распорядился перевозкою провіанта изъ Сурама на вьючныхъ лошадяхъ, взятыхъ изъ смежнаго съ Сурамомъ Шорапанскаго уѣзда, гдѣ перевозка вообще производилась на вьюкахъ, вслѣдствіе гористой мѣстности. На арбахъ было уже невозможно перевозить по случаю наступившей зимы; помимо того, нарядъ жителей, зимою и безъ того обремененныхъ разными военными повинностями, могъ возбудить ропотъ населенія. Поэтому я просилъ разрѣшенія произвести перевозку провіанта въ Кутаисъ раннею весною не по наряду за прогонныя деньги, а по добровольной раскладкѣ, съ круговымъ поручительствомъ жителей, предоставивъ имъ самимъ, безъ подрядчика, выставить добровольно извѣстное число аробъ. При этомъ каждому аробщику должны быть выданы наемныя деньги непосредственно на руки, при чиновникѣ губернаторъ или Главнокомандующаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ, чтобы для сопровожденія провіантскаго транспорта и для надзора за цѣлостію его, были командированы провіантскіе комиссіонеры

которые заботились-бы какъ объ аrobщикахъ, такъ и о своевременной безостановочной сдачѣ провіанта въ Кутаисъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; отвѣта не было. Наконецъ, въ мартѣ 1855 года, губернаторъ далъ мнѣ знать, что интендантство отказалось отъ перевозки провіанта въ Кутаисъ и что по распоряженію генерала Реада вся эта операція перевозки возлагается на меня, подъ личною моею отвѣтственностью, что наемная плата за арбу назначена по 40 р. съ тѣмъ, чтобы нанятая арбы, подъ круговымъ поручительствомъ жителей деревни, непременно были готовы до 1 мая и направлены въ Тифлисъ и Душетъ, гдѣ на каждую должно быть положено провіанта по шести мѣшковъ. Обо всемъ этомъ ген. Реадъ предписывалъ объявить жителямъ и немедленно приступить къ раздачѣ денегъ. Вслѣдъ за симъ прискакалъ ко мнѣ изъ интендантства чиновникъ съ 80 т. рублей, которые онъ сдалъ мнѣ на руки безъ бумаги и безъ книги, не требуя даже отъ меня квитанціи.

Удивившись беззаботливости провіантскаго вѣдомства, я донесъ губернатору, что такого важнаго порученія я одинъ, безъ другого довѣреннаго лица, въ виду обширныхъ занятій моихъ по управленію уѣздомъ, взять на себя не могу и потому просилъ командировать ко мнѣ отъ губернскаго начальства чиновника, который помогать бы мнѣ при раздачѣ денегъ жителямъ, въ отвращеніе ошибокъ и какихъ либо нареканій въ будущемъ. Затѣмъ я самъ обзавелся шнуровой книгой, записалъ на приходъ присланные 80 т. рублей да еще 60 т. рублей, которые прислали скорѣ съ тѣмъ же чиновникомъ. Всѣ эти деньги были присланы крупными кредитными билетами 50 р. и 25 р. достоинства; ихъ надо было еще размѣнять, что сдѣлать было нелегко въ уѣздномъ городѣ. Затѣмъ интендантство командировало ко мнѣ помощниковъ, провіантскихъ комиссіонеровъ, которые безпрерывно являлись ко мнѣ, предлагая услуги для найма аrobъ въ деревняхъ и требуя выдачи на руки имъ денегъ. Но зная, что эти господа старались скорѣе пожить, чѣмъ содѣйствовать успѣху дѣла и, получивъ свѣдѣніе, что двое изъ нихъ уже сторговались въ деревняхъ съ какими-то факторами нанять арбы по 30 р., а написали условія о наймѣ будто-бы по 40 р., я поблагодарилъ ихъ, прибавивъ, что аrobщики должны являться ко мнѣ сами, со старшинами и получать наемныя деньги лично отъ меня, въ уѣздномъ управленіи подъ расписку и подъ круговую поруку цѣлой деревни, поэтому гг. комиссіонерамъ нечего беспокоиться самимъ выдавать деньги, а они могутъ только разъѣзжать по уѣзду и направлять аrobщиковъ въ уѣздное уп-

равленіе, хорошо всѣмъ жителямъ уѣзда извѣстное. Комиссіонеры этого, разумѣется, не сдѣлали. Между тѣмъ, согласно разосланнымъ мною по всѣмъ деревнямъ уѣзда объявленіямъ, жителямъ стало извѣстно о новомъ распоряженіи о наймѣ арубъ. Они были весьма рады не имѣть никакого дѣла съ подрядчиками и комиссіонерами, отлично помня, что претерпѣвали прежде при получкѣ денегъ. Такимъ образомъ еще въ мартѣ многіе жители начали являться ко мнѣ въ уѣздное управленіе, являлись и крестьяне, и дворяне. Всѣ они изъявили полную готовность и желаніе отдать арубъ свои въ наемъ для перевозки провіанта. Къ этому времени пріѣхали состоявшій при Главнокомандующемъ полковникъ Егоръ Степановичъ Лоріеъ-Меликовъ и совѣтникъ губернскаго правленія. При нихъ и сельскихъ старшинахъ я началъ выдавать жителямъ по 40 р. за каждую арубъ за круговымъ поручительствомъ всѣхъ жителей деревни. Такимъ же образомъ, за общимъ поручительствомъ, я выдавалъ деньги и дворянамъ. Охотниковъ стало являться все больше и больше и раздача денегъ продолжалась почти до исхода апрѣля. При этомъ я составлялъ именной списокъ всѣмъ нанявшимся по каждой деревнѣ отдѣльно, съ обозначеніемъ, кто и за сколько арубъ получилъ деньги.

Такой порядокъ найма арубъ много способствовалъ увеличенію перевозочныхъ средствъ въ Горійскомъ уѣздѣ, находившемся поблизости двухъ дѣйствовавшихъ отрядовъ Ахалцихскаго и Гурійскаго. Многіе жители, получивъ отъ меня наемныя деньги, немедленно же обзавелись новыми арбами и скотомъ.

Между тѣмъ молва о суровости и строгости новаго Намѣстника генерала Муравьева и вмѣстѣ съ тѣмъ о справедливости его все болѣе и болѣе распространялась по всему краю. Многіе начали побаиваться въ ожиданіи чего-то грознаго. Это особенно было ощутительно послѣ такого мирнаго управленія, которымъ отличалось намѣстничество на Кавказѣ князя Воронцова. Но генералъ Муравьевъ медлилъ пріѣздомъ. Онъ долго оставался въ Ставрополѣ и оттуда началъ знакомиться со вѣтреннымъ ему краемъ. Затѣмъ отправился вдоль кавказской линіи для осмотра укрѣпленій и войска. Тогда-же изъ Грознаго онъ написалъ къ бывшему своему начальнику (въ двадцать годахъ) генералу Ермолову извѣстное письмо, въ которомъ, снѣвая состояніе войскъ на кавказской линіи во времена Ермолова съ тѣмъ, что онъ видѣлъ тамъ въ 1855 году, отдавалъ имущество войскамъ время Ермолова. Письмо это стало

вѣстнымъ въ Тифлисѣ. Между прочимъ оно вызвало возраженіе полковника князя Дмитрія Ивановича Святополкъ-Мирскаго, состоявшаго тогда адъютантомъ при Намѣстникѣ, послѣ чего онъ уже не могъ болѣе оставаться на Кавказѣ подъ начальствомъ Муравьева и отправился въ Крымскую армію.

Многіе не оправдывали тогда возраженія кн. Святополкъ-Мирскаго противъ Муравьева, служившаго при Ермоловѣ и такъ, сказать, принадлежавшаго къ кавказскимъ героямъ Ермоловскаго времени. Объ этихъ войскахъ генераль-адъютантъ графъ Дибичъ (Забалканскій), на возвратномъ пути изъ Грузіи въ Россію, сказалъ генералу Сабанѣву, встрѣтивъ его на кавказской линіи: „послѣ того порядка, въ которомъ Ермоловъ оставилъ край (Грузію) и того Екатерининскаго и Суворовскаго духа, который царилъ тогда въ тамошнихъ войскахъ, легко было Паскевичу пожинать лавры“.

Въ дѣйствительности войска въ 1855 году были ничуть не хуже временъ Ермоловскихъ, но возраженіе со стороны штабъ-офицера, состоявшаго при этомъ Намѣстникѣ, было неумѣстно противъ военной дисциплины, нарушеніе которой могло возбудить преслѣдованіе, если-бы того захотѣлъ Муравьевъ.

Наконецъ получено было извѣстіе, что генераль Муравьевъ выѣхалъ изъ Владикавказа въ Тифлисѣ. Не доѣзжая Душета, за четыре станціи до Тифлиса, его догналъ курьеръ изъ Петербурга съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Императора Николая. Муравьевъ поторопился приѣздомъ въ Тифлисѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что на Кавказѣ никто не вѣрилъ этой горестной истинѣ, полагая невозможнымъ смерть грознаго и справедливаго Монарха, котораго всѣ обожали и считали чуть не безсмертнымъ. Надо было видѣть тогда печаль и скорбь кавказцевъ всѣхъ сословій и всѣхъ исповѣданій. Надо было видѣть церкви всѣхъ исповѣданій, въ которыхъ жители рыдали, ставя свѣчи предъ образами и молясь за упокой души обожаемаго Государя. Тифлисскія мечети каждый день были полны народомъ, мусульмане молились въ нихъ за упокоеніе души Великаго Падышаха, котораго считали идеаломъ могущества и славы.

На долю Муравьева, по приѣздѣ его въ Тифлисѣ, выпала печальная обязанность объявить объ этомъ грустномъ событіи войску и народу. Многіе считали это дурнымъ предзнаменованіемъ для новаго начальника, а суровое его обращеніе съ чиновнымъ персоналомъ еще болѣе способствовало такому впечатлѣнію. Всѣ стали вспоминать о прежнихъ порядкахъ вре-

мень бывшего намѣстника кн. Воронцова, обходившагося со всѣми вѣжливо и любезно.

Какъ сказано выше, я былъ тогда въ Гори; слухи о Муравьевѣ изъ Тифлиса доходили и туда; я полагалъ, что новый Главнокомандующій непременно захочетъ осмотрѣть дѣйствовавшіе отряды: Гурійскій и Ахалцихскій, расположенные первый у береговъ Чернаго моря, а второй въ Ахалцихѣ около тогдашней турецкой границы. Дорога туда изъ Тифлиса вела въ Горійскій уѣздъ, поэтому я, по званію уѣзднаго начальника, долженъ былъ встрѣтить его на границѣ уѣзда, приготовить квартиру для него въ Гори, затѣмъ проводить его до границы Кутаисской губерніи и ждать въ Сурамѣ обратнаго его проѣзда, чтобы проводить затѣмъ въ Ахалцихѣ и, выждавъ его возвращенія у станціи Страшный Окопъ, на границѣ уѣзда, сопровождать его чрезъ Гори въ Тифлисъ. Всѣ эти ожиданія и соображенія меня чрезвычайно тревожили, такъ какъ тогда телеграфовъ не было и я не могъ опредѣлить времени выѣзда генерала Муравьева изъ Тифлиса, а затѣмъ меня тревожила мысль о томъ, какова-то будетъ наша встрѣча.

Между тѣмъ я получилъ отъ губернатора предписаніе съ извѣстіемъ о кончинѣ Императора Николая и о восшествіи на престолъ Александра II и немедленно распорядился о приводѣ всѣхъ жителей къ присягѣ на вѣрность Государю Александру Николаевичу. Для этого я назначилъ въ горійскихъ церквахъ трехъ вѣроисповѣданій молебствія съ такимъ расчетомъ, что, кончивъ въ православной церкви обрядъ привода къ присягѣ православныхъ, отправился я въ армянскую церковь и, по окончаніи тамъ этого обряда, отправился въ католическую церковь, и, такимъ образомъ, лично находился во всѣхъ трехъ церквахъ при молебствіяхъ и при приводѣ всѣхъ жителей къ присягѣ. Присяжные листы я потомъ представилъ по принадлежности.

Много было тогда разсказовъ о новомъ начальникѣ края; между прочимъ разсказывали, что когда, послѣ пріѣзда его въ Тифлисъ, представлялись ему всѣ чины военнаго и гражданскаго вѣдомства, то онъ каждого изъ нихъ разспрашивалъ очень обстоятельно о службѣ. Когда онъ дошелъ до членовъ совѣта Намѣстника или Главнаго Управленія, то обратился къ нимъ съ вопросомъ; „чѣмъ они занимаются въ совѣтѣ?“—Они затруднились отвѣтомъ и молчали; тогда одинъ изъ нихъ, Андрей Францовичъ Десимонъ (бывшій директоромъ канцеляріи Намѣстника во времена Главноуправляющаго Головина) отвѣтилъ прямо: „почти ничего не дѣлаемъ, ваше высокопревосходительство; мы въ

недѣлю разъ собираемся въ совѣтъ, потолкуемъ кое-о-чемъ, выслушаемъ докладъ правителя канцеляріи и затѣмъ расходимся до другого засѣданія*.

— Спасибо за откровенность!—сказалъ ему Муравьевъ.

„Прежде, при прежнихъ Главноуправлявшихъ, до 1841 г., вмѣсто этого совѣта существовало общее собраніе верховнаго грузинскаго правительства; тогда здѣсь открывались разныя правительственныя учрежденія, возникали безпрестанно вопросы по разнымъ вѣдомствамъ, требовавшіе обсужденія и разрѣшенія, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ края; подобные вопросы разрѣшались быстро и рѣшенія эти утверждались Главноуправляющимъ. Это общее собраніе подъ предсѣдательствомъ губернатора почти ничего не стоило казнѣ, потому что членами его были всѣ предсѣдатели и члены губернскихъ учреждений и начальники отдѣльныхъ частей. Докладчиками являлись представители того вѣдомства, въ которомъ возникалъ данный вопросъ, его обсуждали и разрѣшали всѣ члены или представители административныхъ и судебной частей. Теперь, когда всѣ вопросы почти разрѣшены по гражданскому управленію на Кавказѣ, странно имѣть совѣтъ съ членами, которые обходятся казнѣ очень дорого, для того лишь, чтобы ничего не дѣлать. Не понимаю этого!“—высказалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ въ одной бесѣдѣ.

Слухи какъ объ этомъ, такъ обо всемъ касающемся новаго Намѣстника, приходили и въ Гори почти ежедневно, но большею частью въ преувеличенномъ видѣ. Я все ждалъ, что онъ, до отъѣзда въ Карсъ, посѣтитъ Гурійскій и Ахалцихскій отряды. Хотя воображеніе представляло мнѣ грозный видъ Главнокомандующаго Муравьева, но отличное состояніе уѣзда давало все-таки надежду, что, несмотря на суровость Муравьева, онъ будетъ справедливъ и никакой непріятности мнѣ не сдѣлаетъ.

Мое ожиданіе оправдалось. Въ началѣ апрѣля съ нарочнымъ получилъ я предложеніе начальника главнаго штаба кн. А. П. Барятинскаго (впослѣдствіи Намѣстника-кавказскаго и фельдмаршала) встрѣтить и проводить Главнокомандующаго генерала Муравьева, который выѣзжалъ изъ Тифлиса на другой день.—Я немедленно послалъ участковаго засѣдателя на Ксанскую почтовую станцію для встрѣчи его у рѣки Ксанки, границы уѣзда, а самъ поскакалъ на слѣдующую затѣмъ Чальскую почтовую станцію, и, осмотрѣвъ лошадей, сбруи и ямщиковъ, выбралъ лучшихъ для поѣзда Главнокомандующаго. Со мною выѣхалъ и

начальникъ дорожной дистанціи полковникъ путей сообщенія Кахановъ, который также долженъ былъ встрѣтить Главнокомандующаго и представиться ему. Около часу дня пріѣхалъ туда товарищъ директора канцеляріи (впослѣдствіи, начальникъ Главнаго Управленія Намѣстника при князѣ Барятинскомъ) Алексѣй Ѳеодоровичъ Крузенштернъ. Онъ улыбнулся, увидя меня, и подшутилъ, что его приняли вѣроятно за Муравьева. Онъ меня зналъ давно, еще при бывшихъ Главноуправляющихъ генералѣ Головинѣ и генералѣ Нейдгардтѣ и, наконецъ, при князѣ Воронцовѣ; онъ спросилъ: „есть-ли у меня рапортъ (почетный) Намѣстнику“?—Муравьевъ не любилъ формальныхъ рапортовъ съ казенными фразами о благополучномъ состояніи уѣзда, и потому я составилъ рапортъ иначе. Крузенштернъ внимательно прочелъ все содержаніе его, гдѣ излагались слѣдующія свѣдѣнія: краткое статистическое описаніе уѣзда, названіе полицейскихъ участковъ, число жителей, количество податей и земскаго сбора, городскіе доходы, недоимки городскія и земскія, число арестантовъ, почтовыхъ станцій и число троекъ на каждой, вѣвоенныя части и учрежденія гражданскаго вѣдомства, которыя въ это время паходились въ Гори и уѣздѣ по случаю войны, уѣздное и духовное училища съ числомъ учениковъ въ нихъ; таможенныя правленія—Редуткальское и Сухумское съ карантинно-таможенными заставами: очемчирскимъ, озургетскимъ и николаевскимъ, которыя по военнымъ обстоятельствамъ переведены были въ Гори съ береговъ Чернаго моря на случай скорѣйшаго открытія въ тѣхъ-же мѣстахъ таможенныхъ дѣйствій по заключенію мира и пр. Крузенштернъ, возвративъ мой рапортъ, сказалъ, чтобы я подалъ его Муравьеву непременно, что ему это очень понравится, такъ какъ рапортъ былъ составленъ въ его духѣ.—Мнѣ было пріятно слышать это отъ Крузенштерна. Онъ уѣхалъ далѣе въ Гори, гдѣ при вѣздѣ долженъ былъ встрѣтить его полицейскій офицеръ Габунія и провести прямо на квартиру.

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ самъ Главнокомандующій. Какъ только коляска остановилась на станціи, я тотчасъ подошелъ къ нему, отрапортовалъ ему почтительно о благосостояніи вѣреннаго мнѣ уѣзда и подалъ рапортъ.—Генералъ Муравьевъ развернулъ его и, сидя въ коляскѣ, началъ читать, изредка взглядывая на меня. Я стоялъ молча. Помощникъ уезднаго засѣдателя, Яссе Павленевъ, суетился уже около лошадей, которыхъ выводили для экипажа Намѣстника. Окончивъ чтеніе рапорта (почти въ три листа), Муравьевъ, видимо дово-

ный, передалъ его затѣмъ адъютанту своему полковнику Каханову (брату упомянутого выше инженера). „Вы, кажется, недавно здѣсь!“ сказалъ онъ мнѣ. „Точно такъ, ваше высокопревосходительство—отвѣчалъ я. „Вы были раньше въ Тифлисскомъ уѣздѣ; я знаю; очень хорошо“!—продолжалъ онъ и съ этими словами сошелъ съ экипажа.

„У васъ, вижу, хорошая дорога“, сказалъ онъ обратившись ко мнѣ, „я пройдусъ пѣшкомъ“, и съ этими словами онъ направился по дорогѣ.

Апрѣльское солнце было еще высоко, но далеко за полдень. Чудная весенняя погода, ясное голубое небо, обширная Тирипонская равнина, вся покрытая зеленью хлѣбовъ, пріятный тихій вѣтерокъ, волновавшій море зелени, располагали къ пріятному настроенію. Видимо, оно овладѣло и Муравьевымъ. Я слѣдовалъ за нимъ.—„А вы со мною ѣдете?“ спросилъ онъ. „Точно-такъ, ваше высокопревосходительство“. „Очень пріятно! Знаете ли, что эти поля мнѣ знакомы“, сказалъ онъ; „онѣ такъ же хороши, какъ были при мнѣ во времена генерала Ермолова“. Въ это время подъѣхала коляска; онъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ далѣе.

При вѣздѣ въ Гори я опередилъ экипажъ Главнокомандующаго, чрезъ базарную улицу пріѣхалъ къ назначенной для него квартирѣ въ домѣ почетнаго гражданина Теръ-Степанова и у подъѣзда вновь встрѣтилъ его. Было еще свѣтло. Городскіе жители, собравшіеся здѣсь, снимали шапки и привѣтствовали громко пожеланіями здравія и пр. Онъ поклонился имъ, улыбаясь, какъ своимъ старымъ знакомымъ. У подъѣзда ему представлялись генераль-отъ-инфантеріи, ветеранъ персидской и турецкой кампаніи 1826—1829 года, сенаторъ князь Георгій Эристовъ и братъ его кн. Торникій Эристовъ, предводитель дворянства, князья, дворяне и почетные городскіе жители, равно всѣ чины военные и гражданскіе, находившіеся въ Гори.—Съ князьями Эристовыми Н. Н. Муравьевъ разцѣловался какъ съ давнишними пріятелями. Съ кн. Георгіемъ онъ служилъ вмѣстѣ во время персидской кампаніи 1827 года, когда кн. Эристовъ командовалъ особымъ отрядомъ, съ которымъ онъ взялъ Эрзеръ, столицу Персіи. При немъ тогда Муравьевъ былъ первымъ помощникомъ штаба. А Торникія зналъ онъ, во времена бывшаго Главнокомандующаго генерала Ермолова, когда пріѣзжалъ въ Гори гостить къ полковому командиру Попову, который женился тогда на дочери Торникія. Н. Н. Муравьевъ, улыбаясь, напомнилъ генералу Эристову, что во время персидской кампаніи, при взя-

тии Тавриза, онъ былъ начальникомъ его, Муравьева, а спустя тридцать лѣтъ почти самъ Муравьевъ теперь Намѣстникомъ Кавказа.—Князь Эристовъ отвѣтилъ, что „свѣтъ-колесо; тѣ, которые помѣщаются сегодня внизу, завтра поднимаются на высоту. Таковъ законъ судьбы, ваше высокопревосходительство. Прежде я былъ вашимъ начальникомъ, а теперь вы мой начальникъ и я радъ отъ души, что пришлось мнѣ вновь видѣть васъ!“—Муравьевъ обнялъ его и, простившись со всѣми, вошелъ въ свою комнату. Тамъ представился ему состоявшій при Намѣстникѣ инженеръ-генералъ Андрей Степановичъ Санковскій, который въ это время производилъ слѣдствіе по дѣлу объ обрушившихся двухъ каменныхъ мостахъ на Курѣ, изъ коихъ одинъ строился у города Гори, а другой около деревни Скра, называвшійся скрейскимъ мостомъ. Строителемъ этихъ мостовъ былъ архитекторъ, состоявшій при канцеляріи Намѣстника кавказскаго Эдвинъ Райсъ, родомъ англичанинъ, но совершенно обрусѣвшій и пользовавшійся покровительствомъ бывшаго Намѣстника кн. Воронцова. По докладѣ Н. Н. Муравьеву обстоятельствъ дѣла, онъ потребовалъ меня.

„Эти мосты при васъ обрушились“, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ, и „вы такъ равнодушны къ этому событію; вы знаете, что строители ихъ англичанинъ, который до сихъ поръ не заарестованъ“!...

„Мосты обрушились, ваше высокопревосходительство, прежде, до моего назначенія сюда, въ Горійскій уѣздъ; слѣдствіе производится генераломъ Санковскимъ, а я исполняю всѣ его требованія по сему дѣлу. Райса я не имѣю права ни арестовать, ни задержать, потому что онъ архитекторъ-чиновникъ канцеляріи Намѣстника Кавказскаго“!..

„Вотъ этого не доставало! Какъ-же онъ чиновникъ канцеляріи?“—спросилъ Муравьевъ, обратившись къ генералу Санковскому, который подтвердилъ мои слова. Я молчалъ.—„Гдѣ онъ теперь?“—спросилъ меня Муравьевъ.

„Въ Боржомѣ, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я, „онъ живетъ тамъ въ своемъ домѣ.“—„Какъ въ своемъ домѣ?“—замѣтилъ Николай Николаевичъ. „Развѣ вы не замѣчаете, что онъ живетъ близко къ границамъ, чтобы улизнуть, обрушивъ нарочно два моста, которые теперь, по военнымъ обстоятельствамъ, крайне необходимы. Вѣдь это въ интересахъ англичанъ сдѣлано!—Я вамъ приказываю сегодня-же распорядиться взять этого Райса изъ Боржома и доставить въ Тифлисъ. Смотрите, чтобы онъ не удралъ!“...

„Слушаю, ваше высокопревосходительство, исполню во всей точности!“...

„Ну, смотрите!“—сказалъ онъ и отпустилъ меня.

Я обратился къ Крузенштерну, какъ товарищу директора канцеляріи и, рассказавъ подробно о приказаніи Намѣстника Муравьева, спросилъ: „куда прикажете сдать въ Тифлисъ г. Райса?“ Крузенштерну было непріятно это распоряженіе; онъ немного задумался и затѣмъ сказалъ, чтобы Райса просто доставили въ канцелярію Намѣстника и доложили-бы директору ея Михаилу Павловичу Щербинину (впослѣдствіи сенатору, Главноуправляющему по дѣламъ печати). При этомъ онъ написалъ письмо къ нему и передалъ его мнѣ для доставки. Я немедленно, въ тотъ-же вечеръ, командировалъ помощника своего князя Луарсаба Аргутинскаго въ Боржомъ, поручивъ ему объявить Райсу о приказаніи Главнокомандующаго пригласить его въ Гори и затѣмъ въ Тифлисъ, куда и былъ онъ доставленъ, о чемъ я донесъ впослѣдствіи, адресуя рапортъ на Бѣлогорскую почтовую станцію, согласно приказанію Муравьева. Г. Райсъ поселился въ Тифлисъ, и, конечно не былъ арестованъ.

На другой день утромъ Муравьевъ принималъ доклады отъ Крузенштерна въ кабинетѣ, гдѣ онъ съ ранняго утра уже занялся дѣлами. Не зная къ какому времени надо было мнѣ распорядиться касательно почтовыхъ лошадей для обратнаго проѣзда Намѣстника изъ Кутаисской губерніи въ Сурамъ, я спросилъ объ этомъ Крузенштерна. Онъ отвѣчалъ незнаніемъ и предложилъ обратиться къ адъютанту Главнокомандующаго Каханову. Этотъ въ свою очередь отозвался незнаніемъ и спросилъ, для чего мнѣ надо это свѣдѣніе. „Если я не буду знать о времени вашего пріѣзда въ Сурамъ изъ Гурійскаго отряда или изъ Имеретіи, сказалъ я, то для васъ почтовыхъ лошадей не будетъ, потому что я на почтовыхъ отправляю орудія, ружья и другіе сняряды въ отряды, независимо отъ курьеровъ и нарочныхъ, которыхъ я не могу задерживать. Я долженъ знать о вашемъ пріѣздѣ, чтобы, не останавливая ихъ, заготовить и для васъ лошадей“.

„Да Главнокомандующій никому не объявляетъ о времени выѣзда и пріѣзда. Такъ у него принято“—отвѣчалъ мнѣ Кахановъ.

„Какъ вамъ угодно; а если лошадей не будетъ для Главнокомандующаго я не виноватъ, потому что лишенъ возможности сдѣлать своевременныя распоряженія!“

„Хорошо,—сказалъ Кахановъ,—пойду доложу!“—Я слушалъ

изъ-за дверей, опасаясь грозы.—Муравьевъ, выслушавъ Каханова, сказалъ вдругъ громко: „Это къ чему; къ чему это любопытство уѣзднаго начальника“?—Я, признаться, немного струсилъ; Кахановъ повторилъ то, что я ему сказалъ на счетъ экстренныхъ проѣздовъ и затрудненій на станціяхъ.—„Ну это другое дѣло!“—сказалъ Муравьевъ, „уѣздный начальникъ правъ; вотъ маршрутъ, покажите ему“.—Я отошелъ отъ дверей, Кахановъ вынесъ маршрутъ, по которому узналъ о времени обратнаго ихъ пріѣзда въ Сурамъ.—„Это секретъ,“ сказалъ мнѣ Кахановъ, „знайте, что Главнокомандующій собственно для васъ сдѣлалъ исключеніе, а то никто предварительно не знаетъ о времени его выѣзда и пріѣзда“.—

Около десяти часовъ утра Главнокомандующій выѣхалъ изъ Гори въ Кутаисъ, приказавъ мнѣ представить ему на бумагѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, адресуя прямо на его имя на Бѣлогорскую почтовую станцію Кутаисской губерніи, чтобы онъ засталъ пакетъ тамъ на возвратномъ пути. Сверхъ того велѣлъ не провожать его далѣе, такъ какъ, по его словамъ, у меня было много дѣлъ по случаю раздачи денегъ аробщикамъ для перевозки провіанта въ Кутаисъ.—Оказалась, что онъ лично и чрезъ посланныхъ секретно узнавалъ, сколько каждый изъ аробщиковъ получалъ наемныхъ денегъ за арбу. Остановливая, случайно встрѣчавшіяся ему по дорогѣ, арбы отъ Ксанки до Чалы и отъ Гори до Сурама, онъ спрашивалъ каждого встрѣчнаго аробщика, идетъ-ли онъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Кутаисъ и сколько получить за то денегъ; всюду ему отвѣчали всѣ, то „*по четыре тумана*“ т. е. по сорока руб.

По маршруту Муравьевъ долженъ былъ по возвращеніи изъ Гурійскаго отряда или изъ Кутаиса повернуть изъ Сурама въ Ахалцыхъ для осмотра Ахалцыхскаго отряда и потому до времени обратнаго его пріѣзда я отправился въ Боржомъ, чрезъ который идетъ дорога, приготовить тамъ квартиры какъ для него, такъ и для его свиты и, сдѣлавъ такъ надлежащее распоряженіе о чистотѣ и опрятности въ Боржомѣ и осмотрѣвъ почтовые станціи, я выѣхалъ обратно въ Сурамъ и затѣмъ на одинъ день въ Гори узнать о дальнѣйшихъ въ мое отсутствіе дѣйствіяхъ по найму аробъ.

Въ Гори въ тотъ же день я получилъ съ нарочнымъ предписаніе, что Главнокомандующій Муравьевъ не заѣдетъ уже въ Ахалцыхъ, а поѣдетъ въ Тифлисъ, но не по почтовому тракту чрезъ Гори, какъ-бы слѣдовало, а по проселочной дорогѣ изъ Сурама чрезъ мѣсто Цхвинвалъ. Я тотчасъ распорядился от

править въ Цхинвалъ и въ сел. Квешъ почтовыхъ лошадей со всѣми принадлежностями изъ Горійской и Чальской почтовыхъ станцій и самъ также выѣхалъ въ Цхинвалъ приготовить квартиру для Намѣстника и свиты его и, распорядившись о чистотѣ и опрятности мѣстечка и его жителей для приѣма Главнокомандующаго и затѣмъ, осмотрѣвъ всю проселочную дорогу, вновь отправился въ Сурамъ ожидать его приѣзда изъ Кутаиса къ 26 апрѣлю 1855 года, отославъ заранее на его имя на Бѣлогорскую почтовую станцію рапортъ съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ требовалъ отъ меня еще въ Гори.

Генераль-лейтенантъ кн. Иванъ Багратіонъ - Мухранскій командовалъ тогда Гурійскомъ отрядомъ и наблюдалъ въ особенности за Абхазією, владѣтеля которой, Михаила Шервашидзе, онъ считалъ человѣкомъ не вполне преданнымъ Россіи.

„За Кутаисъ я не боюсь“, — сказалъ Главнокомандующій Муравьевъ, когда онъ обозрѣлъ возвышенности Кутаиса, *Зекеду* и далѣе развалины древняго кутаисскаго храма, крѣпости и дворцы прежнихъ грузинскихъ царей.— „Эти высоты, которыя командуютъ всею долиною Ріона, — естественная крѣпость! Сюда непріятель не осмѣлится подойти; ущелье-же Ріона самое лучшее и безопасное мѣсто для ретирады (отступленія) войска на сѣверъ къ Рачѣ и къ перевалу чрезъ Кавказскій хребетъ или въ Горійскій уѣздъ чрезъ Сачхеръ и Бугоульскую дорогу; непріятель ни въ какомъ случаѣ не осмѣлится рискнуть вступить въ Ріонское ущелье на свою гибель“.

Передовой нарочный возвѣстилъ о скоромъ приѣздѣ Намѣстника и дѣйствительно вскорѣ онъ приѣхалъ на Сурамскую почтовую станцію.—Я вновь отпраповалъ ему о благостояніи уѣзда, но онъ, улыбнувшись, возразилъ: „не совѣмъ-то благополучно“. Я ничего не могъ на это отвѣтить; но, замѣтивъ, что и встревожился такимъ замѣчаніемъ Намѣстника, онъ сказалъ мнѣ: „какіе-то осетины вашего уѣзда подали мнѣ жалобу на дорогѣ, и на вопросъ мой, они отвѣтили, что объ этой жалобѣ они вамъ не заявляли, но такъ какъ я нахожу, что жители ввѣреннаго вамъ уѣзда не должны подавать мнѣ жалобы помимо насъ, то я вамъ приказываю этихъ осетинъ арестовать за это при сельскомъ управленіи на три дня, а старшину сурамскаго арестовать въ Гори за то, что допустилъ тѣхъ осетинъ ко мнѣ съ жалобою, не доложивъ объ этомъ предварительно вамъ!“.

„Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство“, — отвѣтилъ я. Онъ затѣмъ расположился на почтовой станціи, гдѣ былъ приготовленъ для него обѣдъ. Его сопровождалъ изъ Кутаиса кн. Не-

сторъ Церетели, который, во время разъѣздовъ Главнокомандующаго по Кутаисской губерніи, находился при немъ. Князя Нестора, бывшаго моего ученика, я оставилъ въ Кутаисѣ очень еще молодымъ за двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, когда я оставилъ службу въ Кутаисѣ и перешелъ въ Тифлисъ на новую должность. Онъ бросился обнимать меня; мнѣ очень пріятно было видѣть этого прекраснаго молодого человѣка, умнаго, мужественнаго, расторопнаго, живого, обратившаго на себя вниманіе Главнокомандующаго въ Гурійскомъ отрядѣ. Онъ теперь въ Кутаисѣ, генераль-маіоромъ свиты Его Величества, Губернскимъ Предводителемъ дворянства. Принадлежа къ первой фамилии въ губерніи, онъ весьма уважаемъ какъ начальствомъ, такъ и населеніемъ.

Пока генераль Муравьевъ обѣдалъ, я распоряжался на счетъ обѣда остальныхъ его людей и приготавлилъ лошадей для экипажей къ отъѣзду. Какъ только онъ кончилъ обѣдъ, меня потребовали къ нему. Онъ сидѣлъ въ креслахъ и курилъ трубку.—„Я получилъ вашъ рапортъ на Бѣлогорской почтовой станціи“,—сказалъ онъ мнѣ, „свѣдѣнія, вами доставленныя, весьма удовлетворительны!“.

Я ничего не отвѣчалъ. „Вы служили прежде въ Имеретіи (Кутаисская губернія)?—спропилъ онъ. „Точно такъ, ваше высокопревосходительство!“—отвѣтилъ я.—„Я знаю“, продолжалъ онъ, „вы, кажется, хорошо знаете Кутаисскую губернію?“. Я ничего не отвѣтилъ, а только всглянулъ на Алексѣя Θεодоровича Крузенштерна, который улыбнулся мнѣ и который, какъ видно было, сообщилъ Муравьеву о прежней моей службѣ въ Имеретіи.—„У васъ есть сюртукъ съ собою?“—спросилъ Муравьевъ. Я былъ все время въ мундирѣ.

„Есть, ваше высокопревосходительство“—отвѣтилъ я.

„Въ такомъ случаѣ снимите мундиръ, надѣньте сюртукъ и такъ будете провожать меня!“—Я поклонился низко, принявъ это приказаніе за знакъ особаго благоволенія.

„Какъ у васъ идетъ наемъ аробъ для перевозки провіанта въ Кутаисъ?“—спросилъ онъ.

„Весьма успѣшно, ваше высокопревосходительство!“

„Получаютъ-ли аробщики сполна деньги?“

„До копѣйки, ваше высокопревосходительство“.

„Я вѣрю, что это было тогда, когда вы сами раздавали; а теперь, когда вы здѣсь со мною, кто раздаетъ деньги и сполна ли раздаетъ?“

„Теперь раздаетъ мой помощникъ и раздаетъ сполна, ваше высокопревосходительство“.

„Почему же вы знаете, что сполна“, спросилъ онъ, „а можетъ быть не сполна“!

„Не смѣть, ваше высокопревосходительство“—отвѣтилъ я быстро и рѣзко,—„помощникъ мой знаетъ хорошо, что отъ меня ничто не скроется и что съ нимъ церемониться не буду. Да кромѣ того онъ выдаетъ деньги въ присутствіи адъютанта главнаго штаба полковника Лорисъ Меликова и совѣтника губернскаго правленія и потому не смѣетъ не выдавать денегъ аробщикамъ сполна“.

Муравьевъ улыбнулся при моемъ рѣзкомъ отвѣтѣ и добавилъ, что онъ вѣритъ. Затѣмъ, спустя немного, спросилъ: откуда я родомъ, живѣ-ли отецъ мой, служилъ-ли онъ. Когда я сказалъ, что отецъ мой служилъ въ Тифлисѣ еще при бывшихъ Главнокомандующихъ Ртышевѣ, Ермоловѣ, и Паскевичѣ, генералъ Муравьевъ задумался и сказалъ, что онъ не помнитъ.

„Мнѣ сказали, что вы хорошо знаете край; поэтому надѣюсь, что дѣла у васъ по уѣзду пойдутъ хорошо, но, все-таки, повторяю и приказываю объявить всѣмъ, чтобы никто не смѣлъ подавать мнѣ прошенія помимо васъ и чтобы подобныя прошенія подавали вамъ, какъ ближайшему начальнику, и вы представляли-бы мнѣ; слышите, смотрите!“...

„Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ я—преклонившись и когда затѣмъ, на вопросъ его, доложилъ, что лошади готовы, „Въ такомъ случаѣ поѣдемъ“, сказалъ онъ, обратившись къ Крузенштерну и Каханову и вышелъ къ экипажу.

Я сѣлъ въ телѣжку и на пути, уже во время ѣзды, снялъ мундиръ, такъ что на слѣдующей Гаргаребской почтовой станціи былъ я уже въ сюртукѣ. Туда мы пріѣхали въ шестомъ часу вечера. Эта станція расположена на плоской возвышенности, у подошвы которой внизу протекаетъ Кура, принимая съ лѣвой стороны тутъ-же р. Пца. Обширный горизонтъ небосклона представляется предъ глазами. Хорошая весенняя погода, закатъ солнца, которое освѣщало всю окрестность, а вдали Боржомское ущелье и цѣпь горъ Циціановскихъ и Абашидзеыхъ съ юго-востока, которыя тянутся оттуда по направленію къ Тифлису, къ сѣверу же кавказскія громады, покрытыя снѣгомъ, а ближе предгорія Кавказа, которыя въ свою очередь окаймляютъ обширную долину, придавали живописный видъ и, казалось, привели Главнокомандующаго въ хорошее расположеніе духа. Пока заклады-

вали лошадей и приготавливали экипажи, онъ занимался дѣлами, принимая доклады отъ Крузенштерна. Онъ это дѣлалъ на всѣхъ почти почтовыхъ станціяхъ въ ожиданіи лошадей. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, я подалъ маршрутъ отъ Гаргоробской станціи до Чальской по проселочной дорогѣ, по которой надо было ѣхать, съ обозначеніемъ пятнадцати деревень и разстояній ихъ другъ отъ друга и съ отмѣткою противъ деревни *Земо-Никози*, что тамъ старая соборная епископская церковь, изъ тесаннаго камня съ развалинами монастыря, гдѣ еще при грузинскихъ царяхъ и въ началѣ русскаго здѣсь правленія была архіерейская кафедра подъ названіемъ *Никазели*. Ночлегъ былъ назначенъ въ Цхинвалѣ и затѣмъ на слѣдующій день переправа чрезъ Малую Ліахву въ бродъ и перемѣна подставныхъ почтовыхъ лошадей на поляхъ въ селеніяхъ Плависмани и Квеша, куда было переведено много лошадей изъ Горійской почтовой станціи. Обо всемъ этомъ я доложилъ и лично при подачѣ маршрута. Муравьевъ принялъ его, прочелъ со вниманіемъ и сказалъ, улыбуясь: „спасибо, это хорошо“.—Затѣмъ, взглянувъ на развалины, на противоположной горѣ, за Курою, около расположенной тамъ деревни кн. Циціановыхъ, спросилъ: „Какія эти развалины“?

„Это развалины церкви и замка временъ царицы Тамары“, отвѣчалъ я.

„Ну, батюшка, у васъ всѣ древнія развалины приписываютъ царицѣ Тамарѣ, а между ними, мнѣ кажется, есть и такія, о которыхъ она вовсе и не думала“, сказалъ онъ улыбуясь.

Дорога шла между деревнями, которыя появлялись и исчезали за нами. Мы проѣхали деревни: Саголашени, Брети, Дзевисъ-Джвари, Келкцеули, Квемохвити, Земохвити, Никози, гдѣ находится упомянутая выше церковь, и къ вечеру пріѣхали мы въ Цхинвалъ. Экипажи остановились у входа въ длинныя, узкіе ряды лавокъ, покрытыхъ досчатою крышею и расположенныхъ по сторонамъ единственной улицы. За лавками находились обывательскіе дома съ переулками, лавки были открыты и освѣщены. Никогда цхинвальскіе жители не могли и думать, что Главнокомандующій и Намѣстникъ когда-либо пріѣдетъ въ Цхинвалъ ночевать. Когда Муравьевъ подошелъ къ строеніямъ, то остановился и долго смотрѣлъ на старыя, мелкія, освѣщенныя лавки, гдѣ у прилавка стояли ихъ хозяева въ праздничныхъ платьяхъ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: „Видите ли эти старыя лавки? Я засталъ вашъ Тифлисъ въ такомъ видѣ въ 1816 году!“.

Онъ расположился на приготовленной для него квартирѣ и немедленно началъ заниматься дѣлами, слушая доклады. Вслѣдъ за тѣмъ адъютанту его Желтухину велѣно было быть готовымъ отправиться въ Тифлисъ курьеромъ съ бумагами, а мнѣ приказали дать ему почтовую тройку и проводниковъ. Мнѣ это показалось страннымъ. Ночь была темная, облака нависли надъ нами и увеличивали темноту. Я просилъ полковника Каханова доложить Главнокомандующему, что я не ручаюсь за благополучный проѣздъ адъютанта Желтухина въ эту темную ночь по проселочной дорогѣ, по которой предстояло переправиться въ бродъ чрезъ рѣку Малую Лиахву, которая, разлившись отъ весеннихъ водъ, бушевала, опрокидывая громадныя камни и гдѣ, при такой темнотѣ и быстромъ теченіи, невозможно было даже съ пловцами отыскивать бродъ. Полковникъ Кахановъ колебался доложить, зная суровость Главнокомандующаго, а когда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ не отвѣчаю, если съ Желтухинымъ случится несчастіе и рѣка унесетъ его вмѣстѣ съ бумагами, тогда онъ рѣшился войти и робко доложить обо всемъ этомъ Муравьеву. Я ждалъ отвѣта въ передней. „Ежели уѣздный начальникъ не ручается, то въ такомъ случаѣ нечего дѣлать“, сказалъ онъ, „пусть Желтухинъ подождетъ до разсвѣта, а уѣздному начальнику прикажите отправить его какъ можно ранѣе, на разсвѣтѣ“. Я успокоился и сдѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе.

На другой день утромъ Главнокомандующій вышелъ къ собравшимся жителямъ, которые при его появленіи сняли шапки и низко поклонились. На его вопросъ, они отозвались, что все у нихъ благополучно и что очень многіе изъ нихъ готовятъ арбы для перевозки провіанта въ Кутаисъ.—Затѣмъ онъ приказалъ мнѣ представить ему милицію, одну часть которой я приготовилъ для отсылки въ Ахалцыхскій отрядъ, а другую въ Тушино-пшаво-хевсурскій округъ. Она была расположена у рѣки около моста и выстроена въ порядкѣ. Когда Главнокомандующій поздоровался съ милиціонерами, они отвѣтили крикомъ: „ура“! Бодрый и молодецкій видъ изъ чрезвычайно понравился ему. Замѣтивъ у нихъ разнообразныя ружья, онъ спросилъ меня, откуда онѣ взялись. Я доложилъ, что многимъ изъ нихъ ружья были розданы мною изъ числа присланныхъ мнѣ изъ Тифлиса отъ военнаго губернатора 600 пѣхотныхъ ружей со штыками и что хотя были присланы губернаторомъ еще 700 ружей драгунскихъ, но онѣ, какъ негодныя для жителей, были отосланы назадъ въ Тифлисъ. Изъ боевыхъ же припасовъ, прислан-

ныхъ съ 3 ноября 1853 г. 28,610 боевыхъ патроновъ, 5½ пуд. поро-
ху, 2800 кремней и 30 пудовъ свинцу были розданы жителямъ
Горійскаго уѣзда для поголовнаго вооруженія и поэтому у ми-
лиціонеровъ здѣшнихъ являются такія ружья. Часть ихъ была
отослана также завѣдывающему Боржомскимъ имѣніемъ для
вооруженія боржомскихъ поселенцевъ.—Подробный докладъ
обо всемъ этомъ очень понравился Главнокомандующему и на
заявленіе мое, что у большей части жителей нѣтъ собственныхъ
ружей—„Это значитъ“, сказалъ онъ—что въ краѣ было спокой-
но и жители привыкли къ мирному положенію; ихъ не трево-
жили больше, какъ въ старину, непріятельскія нашествія и по-
тому жители могли отвыкнуть отъ употребленія ружей. Оказы-
ваютъ-ли эти милиціонеры какую-либо пользу и умѣютъ-ли
стрѣлять?—Вѣдь ваши милиціонеры осетины бѣжали въ прош-
ломъ году изъ-подъ Ахалцыха!“—сказалъ онъ.—„Смѣю доложить,
ваше высокопревосходительство, что осетины мало оказали поль-
зы; но за то грузины, имеретины, гурійцы охотно идутъ на
войну и постоянно отличались храбростью противъ непріятеля
и скоро привыкаютъ къ мѣткой стрѣльбѣ, лишь-бы были хоро-
шія ружья; но наряжать, какъ теперь, въ милицію въ боль-
шомъ количествѣ жителей Горійскаго уѣзда, по моему мнѣнію,
не очень полезно, казна несетъ на нихъ большія издержки, а
было-бы, мнѣ кажется, полезнѣе половину этихъ милиціонеровъ
оставлять на мѣстѣ для внутренней службы по военнымъ по-
требностямъ и для хлѣбопашества, такъ какъ отъ недостатка
рабочихъ рукъ поля въ нынѣшнемъ году распаханы на поло-
вину меньше противъ прошлаго года и отъ этого цѣны на хлѣбъ
начинаютъ возвышаться“!—

„Это правда“, сказалъ онъ „но я не могу отмѣнить теперь
это распоряженіе о наборѣ милиціи, которое было уже сдѣлано
до моего пріѣзда; въ будущемъ году я велю не набирать ихъ.
По-моему лучше оставить ихъ для перевозочныхъ средствъ
края!.. Какъ вы думаете, адъютантъ мой Желтухинъ хорошо-ли
переправился чрезъ Ліахву“?

„Очень хорошо, ваше высокопревосходительство“! отвѣчалъ
я. „Провожатый вернулся уже и доложилъ мнѣ о благополучномъ
его проѣздѣ“.—

Увидя между жителями нѣкоторыхъ съ медалями, онъ
спросилъ меня: „кто они такіе“? „Здѣшніе евреи, ваше высокѣ
превосходительство“!..

„Какія это медали у нихъ“?

„За усердіе и за спасеніе погибавшихъ“.

„Они идутъ-ли въ милицію“?

„Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, они занимаютъ вмѣсто себя грузинъ“.

„Знаютъ-ли они по-еврейски“?

„Никто изъ нихъ не знаетъ; они по своимъ торговымъ дѣламъ пишутъ по-грузински и въ домашнемъ быту говорятъ также по-грузински“!

Обратившись затѣмъ къ Крузенштерну и Каханову, Главнокомандующій сказалъ: „Я уѣзжаю изъ Горійскаго уѣзда спокойно. Я вижу, что перевозка провіанта въ Кутаисъ для Гурійскаго отряда пойдетъ успѣшно на здѣшнихъ арбахъ и что управленіе этимъ уѣздомъ въ хорошихъ рукахъ; я съ этой стороны спокоенъ и увѣренъ, что дѣла здѣсь пойдутъ хорошо“!

Я почтительно поклонился генералу Муравьеву за такой лестный для меня его отзывъ.—Затѣмъ, улынувшись, сказалъ онъ мнѣ: „я васъ болѣе не задерживаю; вы поѣзжайте въ Гори; знаю, я что у васъ много дѣлъ и вы любите заниматься лично дѣлами: вы не будете провожать меня далѣе и поэтому я васъ освобождаю“!

„Дорога предстоитъ одна и та-же до почтовой станціи, ваше высокопревосходительство“, доложилъ я, поклонившись, „и потому позвольте проводить васъ до этой станціи!“.

„Пожалуй, мнѣ все равно, если желаете, но все-таки я васъ не задерживаю“!

Я поклонился и затѣмъ распорядился подать экипажи. Хотя я могъ уѣхать оттуда прямо въ Гори по другой кратчайшей дорогѣ, но я безпокоился на счетъ переправы его чрезъ Малую Ліахву, куда я послалъ впередъ пловцовъ; да сверхъ того я хотѣлъ, чтобы лошади на подставѣ были бы въ исправности и чтобы провезти Намѣстника по проселочной дорогѣ благополучно, до почтовой станціи, до которой намъ предстояло проѣхать деревни: Дици, Корди, за которою уже бушевала разлившаяся бѣшеная Ліахва, Карби, Кере, Плави, Плависмани, Квеша, Джваришени, Адзви, Ахалубани или Малый Межрусхеви, Кирбали, Бершуети, Хурвалети, всего тридцать четыре версты отъ Цхинвала. Я зналъ, что по почтовому тракту и на слѣдующихъ почтовыхъ станціяхъ у меня все было исправно и менѣе безпокоился; но я безпокоился на счетъ проселочной дороги и потому хотѣлъ довести Главнокомандующаго до почтовой станціи благополучно. Подставныя лошади ожидали на поляхъ Плависмани и Квеша. Тѣмъ временемъ, пока закладывали лошадей, генераль

Муравьевъ началъ завтракать и предложилъ мнѣ закусить тоже. Была среда, онъ постничалъ. Я поклонился и взялъ кусокъ хлѣба и икры. У него была азарпеша серебряная, изъ которой онъ пилъ вино. Человѣкъ наполнилъ ее и Муравьевъ, держа въ рукѣ азарпешу, подалъ мнѣ, предложивъ выпить. Когда я протянулъ руку, чтобы взять ее, онъ повернулъ ее къ себѣ и выпилъ самъ.— „А что?“ сказалъ онъ, улыбнувшись, это по-вашему, по-грузински; вы думаете,—я не знаю? Эту азарпешу мнѣ подарилъ кн. Бебутовъ еще въ 1816 году и съ тѣхъ поръ я пью вино изъ нея“!

Человѣкъ налилъ вновь вино въ азарпешу, которую Муравьевъ все держалъ въ рукѣ и затѣмъ передалъ мнѣ. Я поклонился и выпилъ, передавъ азарпешу человѣку. Крузенштернъ и Кахановъ закусывали также: всѣ стоя среди поля. Я продолжалъ закуску отойдя отъ Муравьева. Онъ подошелъ ко мнѣ медленно и заговорилъ; я едва успѣлъ проглотить кусокъ, который былъ у меня во рту. „Какъ вы думаете?“ спросилъ онъ и пошелъ далѣе по полю, чтобы, какъ видно, другіе не слышали; я послѣдовалъ за нимъ. „Какъ вы думаете, нѣтъ-ли какого-либо ропота въ народѣ“?

„Никакого, ваше высокопревосходительство. Напротивъ, жители уѣзда, какъ дворяне, такъ и крестьяне, одинаково одушевлены истинною преданностью правительству, въ особенности въ эту войну“!

„Охотно-ли идутъ для перевозки провіанта?“ „Весьма охотно, ваше высокопревосходительство, безъ всякаго понужденія, потому что такой наемной платы никогда жители Горійскаго уѣзда не получали прежде. И такую плату, по 40 р. за арбу, жители приписываютъ особой милости правительства“.

„А въ Кутаисской губерніи нѣтъ такихъ перевозочныхъ средствъ, какъ въ Грузіи. Тамъ перевозка немножко труднѣе; вы бывали тамъ, вамъ эта губернія знакома“.

„Перевозка будетъ нѣсколько затруднительна, ваше высокопревосходительство, потому что изъ Грузіи арбы не могутъ идти туда зимою, а въ Имеретіи нѣтъ большихъ аробъ въ родѣ грузинскихъ; тамъ есть маленькія, какъ въ александропольскомъ уѣздѣ; но зато въ Кутаисской губерніи весь Шорпанскій уѣздъ, равно и Рачинскій и часть Кутаисскаго изъ сел. Хс Свири и друг. могутъ выставить вьючныхъ лошадей. Зимою ихъ можно перевезти провіантъ въ Кутаисъ изъ Сурама, а Сурамъ можно доставлять на грузинскихъ арбахъ, такъ какъ аробщики дальше Сурама не идутъ зимою, опасаясь потер

скотъ: онъ ѣсть зеленые листья кустовъ, которыя цвѣтутъ зимою и отъ которыхъ страдаетъ и издыхаетъ грузинскій скотъ".

„Такъ поэтому-то сигнахскіе аробщики бросили провіантъ въ Сурамъ въ прошломъ году“?

„Точно такъ. Сигнахцевъ не слѣдовало посылать сюда. Для сигнахцевъ, по народнымъ понятіямъ, Имеретія страна лихорадокъ и горячекъ. Никогда они не только въ Кутаисскую губернію, но даже въ Горійскій уѣздъ не ѣздить; поэтому гораздо лучше было бы ихъ оставить для Александрополя, который имъ хорошо знакомъ по доставкѣ соли въ мирное время и куда ѣздили транспортомъ и въ прошломъ году.

„А изъ Делижана“?

„Сигнахцы охотнѣе пойдутъ въ Делижанъ, чѣмъ въ Имеретію, въ Кутаисъ. Въ Делижанѣ, гдѣ находятся наши склады, могутъ поднять провіантъ для доставки въ Александрополь на верблюдахъ демурчасальскіе и борчалинскіе жители, равно и казахскіе. Есть еще вьючный скотъ жителей горныхъ деревень борчалинскихъ — Шинихъ, Узунляръ, Чочканъ и другихъ, которыя находятся недалеко отъ Каменки или Джалалъ-Оглы, гдѣ находятся также наши склады и откуда, въ бытность мою на службѣ по Тифлисскому уѣзду, я распорядился въ началѣ прошлаго года, зимою, перевезти экстренно на тамошнихъ вьючныхъ быкахъ и на фургонахъ нѣмецкихъ колонистовъ провіантъ и фуражъ для драгунскихъ полковъ, которые были расположены тогда въ Башкичетахъ и Памбакъ“.

Такъ какъ Муравьева занимали очень перевозочныя средства, то онъ слушалъ меня со вниманіемъ и спросилъ, многоли будетъ вьючнаго скота для перевозки. Я доложилъ, что у всѣхъ жителей есть вьючный скотъ, безъ котораго они не могутъ обойтись, и что поэтому должно быть достаточно, судя по значительному числу народонаселенія около Джалалъ-Оглы, которое состоитъ все почти изъ армянъ.

Улыбка появилась на лицѣ Главнокомандующаго; эти свѣдѣнія были ему пріятны.

„Какъ по вашему“ — спросилъ онъ также съ улыбкою, „желательно-ли, чтобы война продолжалась“?

„Нѣтъ!“ — отвѣчалъ я быстро, „я-бы желалъ, чтобы она поскорѣе кончилась“.

„Въ такомъ случаѣ, вы желаете, чтобы я скорѣе оставилъ Кавказъ и уѣхалъ-бы отсюда!“ — сказалъ онъ.

Я немного былъ озадаченъ этими неожиданными словами Муравьева; но, не смущаясь, отвѣтилъ ему: „никакъ нѣтъ, ва-

ше высокопревосходительство, я желаю, чтобы заключеніе мира было связано съ пребываніемъ вашимъ здѣсь на радость населенію“!

„Нѣтъ, батюшка“,—отвѣтилъ онъ, улыбнувшись: „какъ только миръ будетъ заключенъ, я не останусь здѣсь; я скоро послѣ того уѣду отсюда“!..

Подали экипажи и къ 12 часамъ пріѣхали на Чальскую почтовую станцію. Тамъ перемѣнили лошадей. Я откланялся Главнокомандующему. Онъ также благосклонно простился, сказавъ мнѣ съ улыбкою: „прощайте, желаю вамъ успѣха“!—Я поклонился ему. Лошади тронулись. Онъ уѣхалъ въ Тифлисъ и затѣмъ въ Карсъ, въ дѣйствующую армію, и съ того времени мнѣ не приходилось его больше видѣть.

Впечатлѣніе, которое осталось во мнѣ отъ обращенія со мною Муравьева, отъ его распросовъ, врѣзалось въ память. Это было впечатлѣніе, произведенное человѣкомъ, въ которомъ заранѣе признаешь авторитетъ, возвышенный умъ, образованность, серіозность, твердость характера, терпѣливость—это свойство величайшихъ умовъ, способность выслушивать и начальствовать. Все это, по-моему, соединялось въ Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Вся неимовѣрная его дѣятельность по управленію и по веденію войны противъ турокъ дышала патріотизмомъ и единственною идеею и помышленіемъ о пользахъ края и о славѣ и величій Россіи.

Простившись съ нимъ на Чальской почтовой станціи, я пріѣхалъ въ Гори и работа у меня закипѣла. Я дѣятельно стѣдиль, чтобы изъ всѣхъ деревень одновременно выступили арбы въ Тифлисъ и Душетъ за провіантомъ. Надо дать, однако, справедливость всѣмъ жителямъ Горійскаго уѣзда. Начиная съ князей и дворянъ до крестьянъ, все пришло въ движеніе; перевезли провіанта въ Кутаисъ больше, чѣмъ было назначено, все это быстро, безъ порчи, безъ ущерба и даже безъ надзора провіантскихъ комиссіонеровъ.

Я сказалъ выше, что генералъ Муравьевъ приказалъ мнѣ взять сурамскаго старшину Аكوпова подъ арестъ собственно потому, что Главнокомандующему подали жалобу какіе-то осетины безъ вѣдома старшины.

Я, разумѣется, вытребовалъ его въ Гори и содержалъ егъ подъ арестомъ; но такъ какъ въ былыя времена жалобы всякаго рода подавались бывшимъ Главноуправляющимъ въ Грузіи затѣмъ первому на Кавказѣ Намѣстнику кн. Воронцову всюду на дорогѣ, и на улицѣ, и даже во время смотровъ, и это не в

спрещалось никѣмъ, то мнѣ было крайне жаль подвергать старшину аресту тѣмъ еще болѣе, что старшина Акоповъ былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, уважаемый въ деревнѣ, хорошій исполнитель всѣхъ законныхъ требованій проходившихъ такъ часто чрезъ Сурамъ войскъ, безпрестанно направлявшихся въ отряды. Приказавъ арестовать старшину, генераль Муравьевъ позабылъ указать мнѣ срокъ ареста. Я воспользовался этимъ и, въ рапортѣ губернатору, просилъ испросить указаніе Главнокомандующаго: до какого времени содержать старшину, подъ арестомъ, такъ какъ деревня оставалась безъ старшины и отсутствіе его могло произвести медленность и замѣшательство въ исполненіи требованій начальства по военнымъ обстоятельствамъ, объяснивъ при этомъ, что если арестъ будетъ продолжителенъ, то лучше распорядиться о выборѣ новаго старшины. Вслѣдъ за тѣмъ изъ-подъ Карса получилъ я очень скоро прямо отъ Намѣстника Муравьева предписаніе освободить сурамскаго старшину изъ-подъ ареста и отправить его въ Сурамъ къ своей должности.

*
* *

Несмотря на военныя дѣйствія, которымъ Муравьевъ посвящалъ почти все время, онъ, зная хорошо Кавказъ и Закавказскій край, обращалъ большое вниманіе и на гражданское управленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его озабочивало положеніе края въ виду непріятныхъ извѣстій, которыя получались изъ Россіи и распространялись въ здѣшней странѣ, въ особенности между мусульманскимъ населеніемъ. Черноморскаго флота не было; Черное море для насъ было закрыто. Войска Турціи и Западныхъ державъ находились въ Крыму и осаждали Севастополь. Почти всѣ наши войска изъ внутреннихъ губерній Россіи направлялись къ Севастополю. Положеніе мусульманскаго населенія Кавказа и Закавказскихъ провинцій не внушало довѣрія и потому возбуждало затрудненіе въ сохраненіи спокойствія въ тѣхъ провинціяхъ. Горцы не вполне были еще покорены и продолжали враждебныя намъ дѣйствія. Въ Дагестанѣ дѣйствовалъ *Шамиль* а на Западномъ Кавказѣ *Мамедъ-Эминъ*, который собиралъ черкесовъ, джикетовъ, убыховъ, шапсуговъ и другихъ. Почти все черкесское и абхазское побережье Чернаго моря находилось тогда у турокъ, англичанъ и французовъ, которые открыто посылали своихъ агентовъ возбуждать горцевъ противъ насъ. Абхазія была занята турецкими войсками и начальникъ ихъ Мустафа-паша, около котораго толпились абхазцы, самурзаканцы, цебельдинцы, убыхи, шапсуги, возбуждалъ ихъ противъ насъ. Волненіе начало проникать

въ сосѣдную Мингрелію, которою въ то время управляла кн. ягиня Екатерина Александровна Дадіанъ, по случаю малолѣтства дѣтей покойнаго владѣтеля Давида. Еще до пріѣзда Н. Н. Муравьева, когда управлялъ краемъ генералъ Реадъ (впослѣдствіи убитый въ Крыму на Черной), а начальникомъ главнаго штаба былъ князь Барятинскій (впослѣдствіи Намѣстникъ Кавказскій послѣ Муравьева), военное начальство, несмотря на блистательныя побѣды, одержанныя кавказскими войсками подъ начальствомъ знаменитыхъ кавказскихъ генераловъ кн. Бебутова и кн. Андроникова надъ турками подъ Ахалцыхомъ, Башкадикларомъ, Кюрукъ-Дарѣ и при Чолокъ, требовало изъ Россіи присылки свѣжихъ войскъ, артиллерій и нѣскольکو донскихъ полковъ. Оно, какъ говорили тогда, опасалось за спокойствіе края и въ особенности мусульманскихъ провинцій, гдѣ не было достаточнаго войска для гарнизона. Задумали бросить или Дагестанъ, или передовыя укрѣпленія Кавказской линіи и вывести оттуда войска для усиленія внутреннихъ областей Закавказскаго края. Это могло имѣть печальныя послѣдствія и могло дать возможность горцамъ усилиться для вторженій въ Закавказскія провинціи и на Кавказскую линію и грозить вообще Россіи съ Закавказьемъ. Это, сверхъ того, могло грозить нашимъ войскамъ въ Азіатской Турціи съ тыла и поставить турецкія силы въ болѣе выгодное противъ насъ положеніе. Это означало разомъ уничтожить вѣковыя усилія, труды и жертвы, понесенныя нашимъ правительствомъ для покоренія большой половины черкесовъ, Чечни и Дагестана. Молва о подобныхъ опасеніяхъ тайно проникала въ горы.

Англичане дѣйствовали неусыпно противъ насъ. Посылая эмиссаровъ къ горцамъ, они всѣми мѣрами старались вызвать возстаніе. Англійское правительство еще въ 1854 году послало въ Карсъ генерала Вилліамса, который долго служилъ до того въ Индіи и знакомъ былъ съ азіатскою войною. Завѣдывая турецкою арміею, онъ быстро и дѣятельно началъ укрѣплять Карсъ и возвелъ линію укрѣпленій въ семнадцать верстъ длиною вокругъ Карса. Смѣнивъ однихъ пашей и взыскивая съ другихъ, онъ ввелъ порядокъ и дисциплину въ турецкой арміи, устроилъ штабъ, гдѣ у него кромѣ англичанъ были и другіе иностранцы, дѣятельно занимавшіеся устройствомъ турецкихъ войскъ, которыя онъ довелъ до такого состоянія, что мѣстное населеніе стало бояться и уважать англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стало съ увѣренностью относиться къ своимъ силамъ.

Обо всемъ этомъ слухи доходили до горцевъ чрезъ тѣ

ныхъ эмисаровъ. Въ концѣ іюня 1854 года Шамиль съ огромнымъ скопищемъ вторгнулся въ Кахетію по горной дорогѣ Шилдинскаго ущелія и навелъ ужасъ на все населеніи Кахетіи, въ которой не было достаточнаго войска; переправился чрезъ рѣку Алазань въ бродъ, разграбилъ знаменитый въ Кахетіи домъ кн. Давида Чавчавадзе въ Цинондалахъ и семейство его забралъ въ плѣнъ, тогда какъ самъ Чавчавадзе сражался во главѣ милиціи съ другимъ отрядомъ Шамиля въ Шильдахъ, а жители искали спасенія въ лѣсахъ.

Тифлисскій губернаторъ получилъ извѣстіе объ этомъ ночью съ нарочнымъ казакомъ отъ Телавскаго уѣзднаго начальника, который, въ виду громадной массы лезгинъ, не зналъ что дѣлать. Въ это время я управлялъ тифлискимъ уѣздомъ (до перевода меня въ Горійскій уѣздъ). Губернаторъ потребовалъ меня къ себѣ въ третьемъ часу ночи и объявилъ объ этомъ несчастіи. Въ Тифлисъ жители еще не знали объ этомъ. Губернаторъ побывалъ уже у генерала Реада и, доложивъ объ этомъ, просилъ послать по крайней мѣрѣ одинъ баталіонъ въ Кахетію. Я же немедленно ночью распорядился и послалъ нарочныхъ съ приказаніемъ, чтобы старшины селеній, расположенныхъ по дорогѣ изъ Кахетіи къ Тифлису, именно; Норію, Марткоби, Сацхениси, Ахалсопели, Ужарма, Хашми, Патарзеули, Карабулахъ, Сартачала и Сагареджо нарядили людей и послали къ Гамборамъ, такъ какъ мы опасались появленія Шамиля изъ Кахетіи по направленію къ Гамборамъ, какъ ближайшему пути къ Тифлису.

Когда на другой день утромъ губернаторъ пригласилъ тифлискихъ почетныхъ жителей и усташовъ тифлискихъ амкаровъ (цеховыхъ старшинъ) и другихъ и объявилъ имъ о кахетинскихъ происшествіяхъ, то всѣ они тотчасъ изъявили готовность выйти поголовно противъ непріятели и въ особенности противъ лезгинъ, которыхъ, по ихъ словамъ, вовсе не опасались. Всѣ эти цеховые въ тотъ же день поднялись и пошли со своими амкарами (цехами) со значками къ дому Главнокомандующаго генерала Реада и объявили, что они готовы положить головы за Государя Императора и за правительство русское, что нечего опасаться за Тифлисъ со стороны лезгинъ, честя ихъ стариннымъ прозваніемъ: „*цункала леки*“! (წუბკალ ლეკი) т. е. *обогатанный, голодный общипанный лезгинъ*.—Слухи объ этомъ вооруженіи тифлискаго населенія и жителей деревень отозвались одиako далеко.—Приготовили послать баталіонъ въ Кахетію въ помощь къ линейному баталіону, находившемуся въ Кварели не

далеко отъ мѣста вторженія Шамиля, съ цѣлью отрѣзать путь къ его отступленію, если-бы онъ направился къ Тифлису по кратчайшей гомборской дорогѣ. Въ 11 часовъ утра потребовали къ генералу Реаду губернатора и меня. Надо было отправить баталіонъ поспѣшно по кратчайшей дорогѣ, но не знали по какой. Дорога чрезъ Сигнахъ была дальняя; по Сагурамскому ущелью чрезъ Тіонеты также баталіонъ не могъ поспѣть на другой день. Между тѣмъ другихъ дорогъ не было показано на картѣ, по которой давалъ указанія исправлявшій должность начальника штаба генералъ Индреніусъ. Я доложилъ губернатору и генералу Реаду, что можно послать баталіонъ по Ерцовскому ущелью чрезъ деревню Глдани, по которому, какъ по кратчайшей дорогѣ, всѣ наши хевсурцы и тушины пріѣзжаютъ въ Тифлисъ съ продуктами на продажу. На картѣ этой дороги вовсе не значилось, генералъ Индреніусъ усумнился въ ея существованіи. Это меня крайне удивило и нѣсколько оскорбило. Я сказалъ ему при генералѣ Реадѣ, что если она не значится на картѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы дороги не было и увѣривъ его, что эта дорога самая кратчайшая, я указалъ ему при этомъ изъ оконъ дворца очертаніе пересѣченія высотъ около деревень Авчалы, Глдани и Мамкоди, гдѣ проходила по ущелью эта дорога, по которой баталіонъ могъ притти своевременно въ Тіонеты и Ахметы въ виду уже Кварели и Телава. Индреніусъ все смотрѣлъ на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ; но генералъ Реадъ приказалъ по этой дорогѣ немедленно отправить баталіонъ, которому далъ я проводниковъ и разсыльныхъ. — Все это однако не помѣшало мнѣ заявить удивленіе Индреніусу, что карта не вѣрна и что на ней не указана весьма важная дорога изъ Тифлиса къ горамъ Пиави, Хевсуріи и Тушетіи.

Вторженіе Шамиля въ Кахетію было предпринято имъ съ цѣлью отвлечь силы наши изъ Закаталъ и изъ Дагестана и затѣмъ вторгнуться туда съ большими скопищами; но расчетъ не удался и вскорѣ Шамиль убрался изъ Кахетіи въ горы. Безпокойство и тревожное состояніе населенія все-таки продолжались долго.

Выше сказано, что задолго еще до назначенія Муравьева на Кавказъ, слухи носились о предположеніи бросить Дагестанъ и вывести оттуда войска наши для усиленія центра края. Командовавшій войсками въ Дагестанѣ генералъ кн. Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, сподвижникъ и преемникъ знаменитаго въ исторіи кавказской войны легендарнаго героя, покойнаго уже, князя Моисея Захаревича Аргутинскаго-Долгорукаго внос-

лѣдствіи генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ, тифлисскій генераль губернаторъ, исправлявшій должность Намѣстника Кавказскаго и Главнокомандующаго кавказской арміею, членъ Государственнаго Совѣта) съ негодованіемъ выслушалъ это извѣстіе и наотрѣзъ отказался исполнить это предположеніе. „Никогда я не брошу Дагестана“,—сказалъ кн. Орбеліани—и не отдамъ въ жертву плодовъ столькихъ геройскихъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ, которые проливали здѣсь кровь свою болѣе полустолѣтія; малѣйшій шагъ къ выступленію будетъ сигналомъ общаго возстанія всѣхъ почти дагестанскихъ и мусульманскихъ жителей Закавказскаго края и потому я никогда не сдѣлаю этого опаснаго шага, равносильнаго измѣнѣ; я надѣюсь вполне сохранить спокойствіе въ Дагестанѣ и не отдамъ имени русскаго на посрамленіе дикимъ лезгинамъ Дагестана, не брошу преданныхъ намъ многихъ дагестанскихъ жителей разныхъ племенъ, нашихъ русскихъ поселенцевъ и ихъ семействъ въ жертву фанатизма Шамиля и его кровожадныхъ мюридовъ. Если лезгины замѣтятъ наши приготовленія къ выступленію, то подымутся всѣ не мирные и даже мирные жители Дагестана и, Богъ знаетъ, чѣмъ отзовется это для нашего войска въ Дагестанѣ и для нашихъ Закавказскихъ провинцій, для самой Грузіи и даже для веденія войны съ Турціею въ Малой Азіи, если Шамиль и всѣ закавказскіе мусульмане 'нахлынутъ съ тыла. Въдь это можетъ угрожать самыми печальными и несчастными послѣдствіями“.

Императоръ Николай, говорятъ, былъ въ восторгѣ отъ геройскихъ, мужественныхъ словъ и стойкости кн. Орбеліани.

Въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда всѣ войска изъ Россіи направлялись въ Крымъ, нечего было рассчитывать на присылку ихъ на Кавказъ и потому императоръ Николай, отправляя генерала Муравьева на Кавказъ Намѣстникомъ и Главнокомандующимъ, сказалъ ему, чтобы онъ не рассчитывалъ на помощь изъ Россіи и чтобы онъ обходился тѣми силами, которыя были на Кавказѣ. Величайшій патріотизмъ, обширныя познанія, внимательность, терпѣливая наблюдательность, справедливость и строгость, которыя отличали Николая Николаевича во все время служебной его дѣятельности и съ которыми онъ обозрѣлъ всѣ войска на Кавказской линіи и затѣмъ въ Тифлисѣ и Имеретіи, убѣдили его, что совершенно напрасно потревожили Государя Императора неосновательными донесеніями и требованіями о присылкѣ войскъ.

На Кавказской линіи Муравьевъ оставался долго и изучалъ

ее со всѣхъ сторонъ въ виду военныхъ обстоятельствъ. Не ослабляя мѣстныхъ средствъ, онъ отправилъ оттуда изъ резервной дивизіи въ Тифлисъ для дѣйствующаго отряда восемь батальоновъ, двѣ пѣшія батареи артиллеріи, одну конную казачью батарею и три донскихъ казачьихъ полка. При немъ сформированы двѣ сотни наѣздниковъ изъ кабардинцевъ и осетинъ, которыхъ онъ отправилъ также въ дѣйствующій корпусъ. Вся кавказская линія, какъ будто какимъ-то волшебствомъ, преобразилась при Муравьевѣ, почувствовавъ въ себѣ больше силы, энергии и мужества подъ управленіемъ сильной власти.

Съ пріѣзда на Кавказскую линію, онъ чрезвычайно заботился о перевозкѣ провіанта изъ Владикавказа въ Грузію для обезпеченія войскъ провіантомъ. Онъ предложилъ полковымъ командирамъ на линіи перевезти провіантъ чрезъ кавказскій перевалъ въ Душетъ на полковыхъ подводахъ съ платою по 6 р. за мѣшокъ. Онъ зналъ, что у всѣхъ полковыхъ командировъ были подводы. Командиръ полка, полковникъ Кемфердтъ, отозвался первый и перевезъ достаточное количество провіанта въ Душетъ на полковыхъ подводахъ и отдѣливъ половину платы для полка въ артель, самъ воспользовался значительною суммою честно, съ вѣдома Главнокомандующаго за то, что оказалъ большую услугу въ тѣ времена, когда перевозочныя средства были затруднительны.

Въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи Муравьевъ нашелъ многихъ знакомыхъ, временъ бывшихъ Главнокомандующихъ Ермолова, Паскевича, служившихъ съ нимъ и въ эпоху персидской и турецкой кампаніи 1826—1829 годовъ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что „народъ грузинскій, всегда преданный державѣ царей нашихъ, готовъ былъ служить Государю Императору въ войнѣ съ тѣмъ же самоотверженіемъ и преданностію, которыхъ его постоянно отличали“.

Въ видахъ защиты нашихъ владѣній на сѣверо-западныхъ берегахъ Чернаго моря, онъ отправился обозрѣть ихъ лично. — Одно пребываніе его въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи одушевило всѣхъ тамошнихъ жителей. Главнокомандующій убѣдился, что вся почти страна представляла собою большія затрудненія для свободнаго и успѣшнаго дѣйствія, какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ и по неимѣнію тамъ дорогъ и готовности местного населенія князей, дворянъ и крестьянъ стать противъ враговъ Россіи. Единственные пункты, куда непріятель могъ садиться на восточномъ берегу Чернаго моря, были: — Ангу, Редутъ-Кале, Поти, Григолеті (или Малтаква) и Никола

(или Шекветили), но далѣ онъ могъ погибнуть, если-бы рѣшил ся углубиться въ глубь страны. Если бы даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ сильный непріятельскій отрядъ переправился чрезъ рѣку Цхенискали у Хони, или у Марани въ Орпирахъ и направился бы къ Кутаису, то и въ такомъ случаѣ высоты Кутаиса, *Зежеда*, могли остановить цѣлую непріятельскую армію. Командуя надъ всею долиною Ріона съ правой стороны и съ лѣвой стороны Цхенискали, откуда надо было ждать движенія непріятеля, кутаисскія высоты и укрѣпленія могли-бы вредить и препятствовать его движенію на каждомъ шагу. Горные потоки и рѣчки, которые во множествѣ находятся по пути къ Кутаису, начиная съ Цхенискали, и которые, разливаясь при проливныхъ дождяхъ, прекращаютъ сообщеніе, грозила бы непріятелю совершенной гибелью. Поэтому-то, разставаясь съ войсками незначительнаго Гурійскаго отряда, находившагося въ составѣ всего 15 т. человекъ, занимавшихъ всѣ пункты въ Мингреліи, Гуріи и Кутаисѣ, Главнокомандующій Муравьевъ выразилъ, что, въ виду такого стратегическаго пункта, какъ Кутаисъ, со стороны Чернаго моря, непріятель не осмѣлится даже приблизиться къ Кутаису. Послѣдствія доказали вѣрность взгляда и соображенія Муравьева.

Впрочемъ, Омеръ-Паша, не опасаясь владѣтеля Абхазіи князя Михаила Шервашидзе, вторгнулся чрезъ Сухумъ въ Мингрелію и дошелъ даже до Цхенискали, но не посмѣлъ однако переправиться на лѣвый ея берегъ, чтобы направиться къ Кутаису; испугавшись чрезмѣрной трудности сообщеній и движеній войскъ отъ выпавшихъ тогда проливныхъ дождей и опасаясь быть отрѣзаннымъ, Омеръ-Паша сдѣлалъ поспѣшно обратное движеніе и ушелъ не чрезъ Абхазію, откуда онъ вторгнулся, а къ ближайшимъ берегамъ Чернаго моря, чтобы не погибнуть при отступленіи.

Гурійскій отрядъ, сравнительно съ силами Омеръ-Пашы слабый, исполнилъ свое назначеніе, удержавъ непріятеля на Имеретію. По указаніямъ Главнокомандующаго въ случаѣ сильнаго напора непріятеля въ значительныхъ силахъ, всѣ части отряда должны были соединиться около Орпирахъ и Марани, предоставивъ милиціи и гурійцамъ тревожить непріятеля партизанскими нападеніями по обычаю страны.

Заботливость Муравьева о сохраненіи сношеній на Кавказѣ не ограничивалась распоряженіями о безопасности партизанъ Чернаго моря и западной половины Закавказскаго края. Для

обратилъ большое вниманіе на защиту Грузіи и мусульманскихъ провинцій отъ набѣговъ и вторженія Шамиля. Онъ назначилъ для огражденія Грузіи, Кахетіи, Джаробѣланскаго округа и Нухинскаго уѣзда всего одиннадцать баталіоновъ, распредѣливъ ихъ на два главные отряда, расположенныхъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, начиная отъ города Нухи до рѣки Арагвы, т. е. до военно-грузинской дороги, выше Душета и Ананура.

Одинъ отрядъ расположенъ былъ въ Кахетіи, въ сел. Кварели, другой въ Закаталахъ; они поддерживали между собою сношенія непрерывными разъѣздами и наблюдали за движеніями горцевъ. Три донскихъ казачьихъ полка и дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, въ видѣ маленькаго летучаго отряда, наблюдали изъ Карагача за лезгинами и наводили на нихъ большой страхъ. Они быстро переносились туда, гдѣ горцы могли угрожать вторженіемъ и громили ихъ до прибытія пѣхоты.

Отъ дальновидности Главнокомандующаго не ускользнула и вѣроятная возможность вторженія Шамиля въ Нухинскій уѣздъ и движенія изъ Персіи (по двусмысленному ея отношенію къ намъ). Поэтому Муравьевъ приказалъ расположить на пути изъ горъ въ Персію, около Елисаветполя, въ Зурнабадѣ, гдѣ кстати находятся госпитали, наблюдательный отрядъ изъ баталіоновъ съ артиллеріею и изъ одной сотни казаковъ, которые наблюдали за горцами по дорогѣ къ Нухѣ и въ Персію. Затѣмъ для полнаго обезпеченія восточной части Закавказскихъ провинцій (отъ Нухи до Кубы) отъ вторженія горцевъ, Муравьевъ назначилъ отрядъ изъ 2 баталіоновъ. Два баталіона же были въ Боржомскомъ ущельи и они обезпечивали Ахалскихъ со стороны турецкихъ границъ. Въ самомъ Тифлисѣ Главнокомандующій сформировалъ отрядъ изъ шести баталіоновъ съ двумя батареями, изъ одного донскаго казачьяго полка, присоединивъ къ числу кавалерію и таможенныхъ объѣзчиковъ, которые оставались безъ дѣла послѣ закрытія таможенъ на турецкой границѣ и у береговъ Чернаго моря. Сверхъ того въ составъ этого отряда поступила городская милиція, сформированная изъ тифлисскихъ жителей, въ числѣ болѣе шести тысячъ человекъ, которые ежедневно производили ученіе.

Главнокомандующій, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Тифлиса въ Александрополь, въ дѣйствующую армію, осмотрѣлъ эту городскую милицію, опрашивая и разговаривая со многими милиціонерами. Они были восхищены такимъ высокимъ вниманіемъ знаменитаго Сардаря—Главнокомандующаго и на смотре

показали себя молодцами, будучи одушевлены истинною преданностью правительству и готовностью идти противъ враговъ Россіи. Этотъ смотръ и вниманіе генерала Муравьева произвели самое сильное впечатлѣніе не только на милиціонеровъ, но и на всѣхъ почти жителей Тифлиса.

Командовавшій войсками, упомянутый уже выше князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани, отдѣлилъ даже часть своихъ дагестанскихъ войскъ и послалъ ее въ Александрополь въ дѣйствующую армію, находя оставшіяся въ Дагестанѣ войска достаточными для оборонительныхъ тамъ дѣйствій.

Не взирая на то, что въ провинціяхъ Закавказскаго края очень мало было войска, и изъ Владикавказа и съ линіи, несмотря на враждебную Чечню, взяты были также части войскъ на войну; и несмотря даже на прискорбное извѣстіе о паденіи Севастополя и о вторженіи Омеръ-Паши въ Мингрелію въ предѣлы Кутаисской губерніи, одно имя генерала Муравьева имѣло такое громадное, магическое вліяніе на все населеніе края и вселяло такое къ нему довѣріе, что во все время военныхъ его дѣйствій подъ Карсомъ до заключенія мира и до отъѣзда его изъ края, нигдѣ, ни въ Дагестанѣ и ни въ Чечнѣ, небыло никакихъ покушеній горцевъ противъ насъ. Все населеніе, какъ мирное, такъ и не мирное считало Муравьева за какого-то легендарнаго героя въ роутѣ древне-восточнаго завоевателя, который одною рукою поражалъ дракона, а другою—скалистыя горы. Я самъ лично выслушивалъ подобныя мнѣнія нашихъ татаръ во время кратковременныхъ пріѣздовъ моихъ въ Тифлисъ и разъ, въ разговорѣ со мною, знакомый мнѣ демурчасальскій молла Шафи сказалъ мнѣ: „говорятъ, что у сардара Муравьева такая сабля (кличъ), которую онъ рѣдко вынимаетъ изъ ноженъ, а когда вынетъ, то весь *клинокъ горитъ пламенемъ* и съ одного размаха поражаетъ тысячу *головъ*“.

Подобныя сказанія, сложившіяся на Кавказѣ о личности Муравьева, достаточны были для того, чтобы произвести впечатлѣніе какъ на лезгинъ, чеченцевъ, черкесовъ, абхазцевъ, такъ и на нашихъ закавказскихъ татаръ и чтобы навести на нихъ страхъ и смиреніе.

Обезпечивъ край отъ возможныхъ случайностей на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которымъ могла угрожать какая либо опасность, и придавъ имъ опасность грозной обороны, Главнокомандующій занялся уже дѣйствующими противъ Турціи отрядами. Одинъ изъ нихъ—Гурійскій, занимая линію отъ Абхазіи до турецкихъ границъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, по отдаленно-

сти своей отъ главныхъ нашихъ силъ, т. е. отъ Александрополя, дѣйствовалъ самостоятельно и могъ имѣть сообщеніе съ ними только чрезъ Кутаисъ - Тифлисъ, или чрезъ Кутаисъ-Абастуманъ по Зекарскому ущелью, и Ахалцихъ, или чрезъ Сурамо-Боржомское ущелье—Ахалцихъ и Ахалкалаки. Ахалцихскій отрядъ, будучи отдѣленъ отъ Гурійскаго Аджарскими горами, принадлежавшими Турціи, не могъ имѣть съ нимъ никакой связи, находясь далеко отъ главныхъ силъ. Третій отрядъ, Баязетскій, будучи разобшенъ отъ нея хребтомъ горъ, идущимъ отъ Арарата, могъ только имѣть сообщеніе съ главнымъ Александропольскимъ отрядомъ чрезъ *Кепри-Кевъ*, на Араксъ, по дорогѣ, ведущей въ Александрополь.

Въ такомъ положеніи были войска дѣйствующаго корпуса, когда Главнокомандующій Николай Николаевичъ Муравьевъ двинулся (24-го мая 1855 года) далѣе съ Александропольскимъ отрядомъ, имѣя цѣлью овладѣть двумя первоклассными турецкими крѣпостями, составлявшими оплотъ владѣчества Турціи въ Малой Азіи—Карсомъ и Эрзерумомъ. При этомъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ отдѣльные отряды безпрестанно поддерживали сообщеніе съ главною квартирою, которая направляла всѣ движенія къ одной цѣли.

Главнокомандующій вдохновилъ войска. Имя знаменитаго сардаря привлекло въ наши ряды массу полудикихъ курдовъ (подвластныхъ Турціи), изъ коихъ образовали милицію. Находясь подъ начальствомъ полковника Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова (впослѣдствіи командира дѣйствовавшего въ Азіатской Турціи корпуса, въ Турецкую войну 1877 года, знаменитаго покорителя первоклассныхъ крѣпостей Турціи—Ардагана и Карса, въ 1877 году, генерала отъ кавалеріи, генералъ-адъютанта, освободителя Россіи отъ моровой язвы 1878 г., графа Россійской Имперіи, предсѣдателя Верховной распорядительной комиссіи и Министра внутреннихъ дѣлъ), эти курды бросались на турокъ и дрались съ ними съ остервененіемъ, не щадя ихъ, несмотря на исповѣдуемую ими одинаковую съ турками мусульманскую религію. Одинъ только Лорисъ-Меликовъ сумѣлъ внушить этому сброду дикихъ курдовъ и разныхъ сорванцовъ, борчалинскихъ, казахскихъ и шамшадильскихъ татаръ и другого бездомнаго люда, изъ которыхъ эта милиція была составлена,—подчиненность, дисциплину, порядокъ и послушаніе. По одному его слову, они бросались на непріятеля, какъ звѣри.

По плану Главнокомандующаго всѣ дѣйствія его образны были на Карсъ и Эрзерумъ, отдаленные другъ отъ друга

разобщенные высокими Соганлугскими горами, а какъ съ тѣми силами, которыя находились у него, невозможно было въ одно и тоже время дѣйствовать противъ Карса и противъ Эрзерума, то, въ виду сомнительнаго положенія, принятаго противъ насъ Персією, генераль Муравьевъ рѣшилъ держать Карсъ въ блокадѣ и довести его войска и жителей до истощенія; прервать всякое сообщеніе Карса съ Ардаганомъ, Кагызманомъ и Эрзерумомъ, гдѣ находились у турокъ запасы военные и провіантскіе и откуда карсскій горнизонъ могъ получать помощь какъ войсками, такъ и продовольствіемъ.

Обложивъ Карсъ, Главнокомандующій Муравьевъ направился по Соганлугскимъ горамъ и уничтожилъ запасы турокъ. Затѣмъ наши войска въ Энгли-Кевѣ и Бардусѣ захватили болѣе тридцати тысячъ четвертей провіанта, заготовленнаго для турецкой арміи; изъ нихъ часть вывезли въ нашъ лагерь подъ Карсомъ, часть роздали войскамъ, остальное-же количество было уничтожено, за невозможностью уже его вывезти. Въ другой разъ, забравъ половину войскъ изъ-подъ Карса, Главнокомандующій въ іюлѣ мѣсяцѣ бросился противъ Вели-Паши, который шелъ на помощь Карсу съ 14 т. войска, 32 орудіями и съ большими запасами. При одномъ появленіи русскихъ подъ начальствомъ Муравьева, Вели Паша бѣжалъ тотчасъ; турецкое войско послѣдовало его примѣру, бросивъ весь лагерь и запасы, которые забрали наши войска.

Хотя во время этихъ движеній нашихъ войскъ Главнокомандующій турецкой армією въ Карсѣ Абдулъ-Керимъ Паша полагалъ, что оставленная подъ Карсомъ часть нашихъ войскъ должна быть ослаблена и удалена отъ другой, забранной Муравьевымъ, и хотя поэтому хотѣлъ напасть на оставшіяся подъ Карсомъ осаждавшій отрядъ, но генераль Вилліамсъ не согласился съ пашею выйти изъ Карса для нападенія, опасаясь хитрыхъ маневровъ Муравьева. Между тѣмъ блокада Карса продолжалась; еще въ началѣ августа городъ былъ стѣсненъ этою блокадою такъ, что всякій подвозъ припасовъ и продовольствія въ Карсъ совершенно прекратился; при этомъ появились тамъ болѣзни и въ довершеніе всего, въ концѣ августа, на равнинахъ Пеняка генераль Ковалевскій совершенно разбилъ турецкій отрядъ подъ начальствомъ Али-паши, который шелъ на помощь Карсу, но который при этомъ взять былъ въ плѣнъ съ орудіями, штандартами, всѣми снарядами и оружіями.

Состояніе войскъ и жителей въ Карсѣ день-отодня становилось болѣе бѣдственнымъ и отчаяннымъ. Несмотря на настро-

гія мѣры генерала Вилліамса, жители и солдаты турецкіе толпами бѣжали изъ Карса въ нашъ лагерь то тайно, то открыто. Онъ все-таки поддерживалъ духъ гарнизона и жителей, въ надеждѣ прибытія скорой помощи отъ Омеръ-Паши чрезъ Батумъ и Ахалцихъ. Вели-Паша набиралъ войска въ Эрзерумъ и могъ грозить нашимъ войскамъ чрезъ Ольти и явиться на высотахъ Соганлуга. Непріятность положенія могла быть увеличена, если-бы непріятель отбилъ заготовленное около тѣхъ высотъ сѣно и топливо. Горестное извѣстіе о паденіи Севастополя придавало туркамъ нѣкоторую бодрость. Омеръ-Паша высадился въ Сухумъ и грозилъ Мингреліи и Кутаису такъ, что навелъ страхъ даже на Тифлисъ и на Ахалцихъ. Но Главнокомандующій хорошо зналъ, что Омеръ-Паша не осмѣлится углубиться во внутрь страны, какъ описано выше, и потому не безпокоился на счетъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи. Хотя по общему плану, послѣ паденія Карса, надо было итти на Эрзерумъ для того, чтобы отвлечь туда войска союзниковъ и парализовать дѣйствія ихъ въ Крыму, но малочисленность нашихъ войскъ подъ Карсомъ разстроила этотъ планъ. Въ виду непріятныхъ извѣстій о паденіи Севастополя, о вторженіи Омеръ-Паши, офицеры наши подъ Карсомъ выражали почти ропотъ, требуя скорѣйшаго его штурма и взятія его укрѣпленій. Это неудовольствіе офицеровъ проникало и въ войска, и, одушевляя всеобщимъ порывомъ къ бою, возбуждало въ свою очередь глухой ропотъ на ихъ бездѣйствіе. Все это вмѣстѣ съ мнѣніемъ созваннаго Муравьевымъ военнаго совѣта предвѣщало хорошій успѣхъ и потому Главнокомандующій вынужденъ былъ измѣнить первоначальный планъ свой: *вынудить турокъ къ сдачѣ Карса со всею арміею „безъ кровопролитія“* и рѣшился согласиться съ мнѣніемъ военнаго совѣта взять Карсъ приступомъ. Но несмотря на неудачу штурма и значительную потерю нашу, Главнокомандующій все-таки привелъ всѣ части въ порядокъ, вдохнулъ въ наши войска новую энергію и Карсъ палъ предъ остатками и безъ того малочисленнаго нашего войска, мужество, стойкость и самоотверженіе котораго изумляли даже непріятеля. Турки, спасаясь отъ голодной смерти, толпами являлись въ нашъ лагерь въ самомъ жалкомъ видѣ. Бѣдствіе, которое испытывали они и городскіе жители, превышало всякое описаніе и потому Карсъ сдался 16-го ноября 1855 года со всѣми войсками: изъ 30 тыс. азиатской турецкой арміи взято въ плѣн 14,500 чел., самъ генералъ Вилліамсъ, Главнокомандующій турецкій Абдулъ-Керимъ-паша и 12 пашей; остальные изъ эт

арміи погибли отъ войны, болѣзней, голода и частью спаслись бѣгствомъ. Всѣ орудія, оружія, запасы пороху и патроновъ достались намъ и, такимъ образомъ, турецкая анатолійская армія не существовала болѣе и русское знамя развѣвалось на стѣнахъ знаменитой карсской крѣпости. Русскія войска владѣли Карскимъ пашалыкомъ и Баязетомъ и, имѣя уже свободный путь къ Эрзеруму, заняли всѣ проходы соганлугскихъ горъ и прекратили всякое сообщеніе турокъ съ Карскимъ пашалыкомъ или Карсской областью.

Многіе тогда порицали Муравьева за неудачу штурма Карса, но упускали изъ виду, что онъ подчинился опредѣленію военнаго совѣта, оставаясь все-таки при своемъ мнѣніи вынудить турокъ къ сдачѣ, взявъ Карсъ съ цѣлою турецкою арміею *безъ кровопролитія*. Странно было-бы расчитывать войну безъ какихъ-либо неудачъ; были-же неудачи въ Крыму, послѣдствіемъ коихъ была смерть кавказскаго генерала Реада на Черной и паденіе Севастополя; не винили-же Главнокомандующаго крымской арміею, а приписывали это несчастію.

Поручивъ управленіе пашалыкомъ или Карсскою областью упомянутому выше полковнику Лорисъ-Меликову и сдѣлавъ распоряженіе о размѣщеніи войскъ на зимнія квартиры, Главнокомандующій генералъ Муравьевъ выѣхалъ въ Тифлисъ, оставивъ ему инструкцію о порядкѣ управленія новою русскою областью, жители которой послѣ бѣдствій войны начали успокаиваться при Лорисъ-Меликовѣ и предаваться своимъ мирнымъ занятіямъ, вовсе не думая переселяться въ Турцію: напротивъ, въ виду того порядка, который ввелъ Лорисъ-Меликовъ въ области, водворивъ тамъ благосостояніе и спокойствіе, и тѣ жители, которые удалились было прежде оттоль по случаю войны, возвращались на свои прежнія мѣста для мирныхъ занятій.

Въ Тифлисъ Николай Николаевичъ Муравьевъ вникалъ во всѣ дѣла по всѣмъ частямъ управленія, заботясь неусыпно какъ о благосостояніи населенія края и о сохраненіи казеннаго интереса, такъ равно и объ обезпеченіи войскъ всѣми предметами продовольствія и военныхъ запасовъ; извѣстіе о заключеніи мира въ Парижѣ 1856 года застало его среди обширныхъ занятій по управленію краемъ. Вотъ какъ Намѣстникъ и Главнокомандующій Муравьевъ заботился объ интересахъ правительства. Въ то время, отъ неурожая винограда и по случаю войны, недостатокъ вина (еще въ началѣ 1855 года) сдѣлался крайне ощутительнымъ, оно очень вздорожало и не привозилось въ города Закавказскаго края. А какъ тогда взиманіе акциза съ при-

возимаго вина находилось на откупѣ и доходъ съ акциза уменьшился болѣе чѣмъ на половину, то всѣ почти откупщики оказались несостоятельными и, еще до прїѣзда Муравьева, перестали вносить въ казначейство откупныя деньги, отказавшись даже и отъ своихъ залоговъ, представленныхъ по этимъ откупамъ. Чтобы казна не лишилась значительнаго дохода, въ особенности въ тогдашнее военное время, такъ какъ на новыхъ торгахъ, которые надо было произвести, откупщики предложили бы цѣны менѣе даже 80% противъ прежней откупной суммы. Муравьевъ пригласилъ къ себѣ уважаемаго въ Тифлисѣ богатаго тамошняго жителя помѣщика Ивана Минаевича Мирзоева, который, изъ угожденія Муравьеву, по одному лишь его приглашенію, добровольно согласился съ его предложеніемъ принять на себя весь откупъ и внести громадную сумму всѣхъ откупныхъ денегъ по винному акцизу; онъ тѣмъ освободилъ несостоятельныхъ откупщиковъ отъ казенныхъ недоимокъ и залоговъ ихъ отъ продажи, представивъ вмѣсто нихъ свои залоговѣ, и до окончанія срока откупа Мирзоевъ и его повѣренныя вносили въ казначейство откупную сумму полностью, сами получая меньше даже половины акцизнаго сбора, и, такимъ образомъ, Мирзоевъ казну не лишилъ дохода, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальству, что онъ, по чувству преданности и усердія къ правительству, не можетъ не явиться на помощь казнѣ. За то Муравьевъ опубликовалъ по всему краю этотъ патріотическій поступокъ Мирзоева въ теплыхъ словахъ, объявляя ему душевную благодарность и донося о томъ же Государю Императору. Таково было вліяніе Муравьева на жителей.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія мира 1856 года. Николай Николаевичъ былъ уволенъ отъ должности Главнокомандующаго Кавказской арміей и Намѣстника Кавказскаго и въ августѣ того-же 1856 года выѣхалъ изъ Тифлиса, оставивъ по себѣ глубокую память среди всего народонаселенія Кавказа и Закавказскаго края, жителей Карсской области, христіанъ и мусульманъ, какъ о знаменитомъ и непобѣдимомъ сардарѣ Русскаго Великаго падышаха. Такъ сбылись его слова, сказанныя имъ мнѣ на поляхъ Прависмана и Квеші: „Послѣ заключенія мира я не останусь на Кавказѣ“.

На его мѣсто Главнокомандующимъ Кавказской арміей и Намѣстникомъ Кавказскимъ былъ назначенъ бывшій при немъ начальникомъ Главнаго штаба Кавказской арміи генераль-
-а

ютантъ, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Л. С. Исарловъ.
